В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ДИВИЗИОННОЙ ШКОЛЫ ПАРТИЙНОГО АКТИВА

ИСТОРИЯ СССР

ГЭтС 560
М 596

И. И. МИНЦ

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ВТОРАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1914 г. — март 1917 г.)

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
Москва—1946

За нашу Советскую Родину!

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
ДИВИЗИОННОЙ ШКОЛЫ ПАРТИЙНОГО АКТИВА

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИК
И. И. МИНЦ

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ВТОРАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1914 г. — март 1917 г.)

2 й экз

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
Москва — 1946

ГЖС 560
1934
М 596
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
605342

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предвоенный политический кризис	3
Провокация мировой схватки	12
Причины мировой войны	19
Начало войны	28
Стратегические планы войны	34
Большевики в борьбе против империалистической войны	39
Поражение царской армии и разруха в России	47
Назревание революционного кризиса	65
Восстание в Петрограде	78
Краткая хронология	88

Редактор *Я. М. Кадер*
Технический редактор *И. Ф. Кузьмин* Корректор *М. С. Тепер*

Г07931. Подписано к печати 30.11.46 г. Изд. № 1/99.
Объем 5½ печ. л. 5 уч.-изд. л. В 1 печ. л. 38 000 тип. зн. Зак. 426.

1-я типография Управления Военного Издательства МВС СССР
имени С. К. Тимошенко

ПРЕДВОЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Революционный подъем в России после Ленского расстрела в апреле 1912 г. разворачивался на фоне общеевропейского политического кризиса. Эпоха империализма принесла прежде всего обострение борьбы между трудом и капиталом. Во всех странах — Германии, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Швеции — всюду растет и усиливается рабочее движение, перед которым стоят задачи подготовки социалистической революции.

Политический кризис выразился также в упадке буржуазной демократии и парламентаризма. Успехи, достигнутые рабочим классом в использовании буржуазной демократии, парламентаризма, испугали правящие классы. Во всех странах наблюдается загнивание буржуазной демократии и парламентаризма. Всюду падает значение парламента и усиливается роль кабинета министров, в состав которого входили руководители парламентского большинства. В неслыханных формах развивается продажность аппарата государственной власти. Во французском парламенте около 200 членов обеих палат состояло акционерами 8 банков и крупных промышленных предприятий.

Резко усилились противоречия между метрополией и угнетенными национальностями. Во всех колониальных и полуколониальных странах растет национально-освободительное движение, мощный толчок которому был дан русской революцией 1905 года. Достаточно напомнить революцию в Персии в 1906 г., революцию в Турции в 1908 г., революцию в Китае в 1911 г.

Усилилась и национальная борьба в многонациональных государствах: в Австро-Венгрии борьба балканских народов против Турции, движение в Ирландии и т. д.

Империализм принес и резкое обострение международных противоречий. Одна за другой на человечество обру-

шиваются империалистические войны. За 10—15 лет до первой мировой войны весь мир словно репетировал будущую войну в отдельных схватках. Можно припомнить войну Японии с Китаем в 1894—1895 гг. или войну в 1896 г. Италии против Абиссинии, неудачную для Италии, или войну в 1898 г. США против Испании, которую Владимир Ильич особенно отмечал, как характерный признак всего мирового развития в эпоху империализма.

В 1900—1901 гг. велась война ряда империалистических стран против Китая.

В 1899—1902 гг. — война английской буржуазии против буров.

В 1904—1905 гг. — русско-японская война.

В 1904—1907 гг. — война Германии в Африке против негров.

В 1911 г. империалисты Италии напали на Турцию. Началась итало-турецкая война.

Названные войны как будто были ограничены небольшим числом участников, но на деле любая из них была пробой сил: за воевавшими стояло нередко несколько крупных государств. Великие державы искали себе союзников. Создавались блоки, соглашения, комбинации держав. Дело быстро шло к мировой войне. Еще в конце XIX века крупные европейские державы разбились на два блока: Тройственный союз — Германия, Австро-Венгрия, Италия, с одной стороны, и русско-французский союз — с другой. Из крупных держав только одна Англия оставалась вне блоков, пытаясь играть на противоречиях между обоими союзами. Но неуклонное развитие агрессии со стороны Германии, жадная тяга германских империалистов к переделу мира и отобранию колоний, прежде всего у Англии, толкали последнюю к соглашению с Францией и Россией. Начало строительства Германией огромного военно-морского флота и перевооружение армии положили конец «блестящей изоляции» Англии, как сами английские дипломаты долго называли постоянное стремление своего государства стоять в стороне и играть на противоречиях своих соперников. В 1904 г. Англия разрешила основные спорные вопросы с Францией, заключив с ней так называемое «сердечное соглашение» — «Entente cordiale», от первого слова названия союз Англии и Франции получил название Антанта. Из двух членов Антанты у одного — у Франции был союз с Россией, но между другим членом Антанты и Россией все еще существовали серьезные противоречия, прежде всего на Ближнем Востоке, но не в меньшей

степени и на Дальнем Востоке. Потерпев поражение в русско-японской войне — причем не последней причиной поражения являлась провокационная политика Германии, толкавшей Россию на Дальний Восток, чтобы ослабить ее позиции на Западе, — Россия попыталась уладить свои споры с Англией, ибо даже германофильски настроенному Николаю II стало ясно, что основной враг России — это Германия. К изменению внешнеполитической ориентации вынуждала все усиливающаяся финансовая зависимость: большую часть займов приходилось брать у союзницы Англии — Франции. В 1907 г. Россия заключила соглашение с Англией о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке: Северный Иран был признан зоной влияния России, а Южный Иран — Англии. Удалось также договориться относительно спорных вопросов в Тибете и Афганистане.

В связи с урегулированием противоречий с Англией наблюдается резкий поворот во внешней политике царизма в сторону заключения соглашения с англо-французским империализмом против германского империализма. Один из видных морских офицеров, в будущем глава контрреволюции, адмирал Колчак признал на допросе, когда был взят в плен Красной Армией, что, начиная с конца 1907 г., военным кругам был указан новый противник — Германия. Русские стратегические планы были разработаны в интересах союзников — Англии и Франции. Франция предоставила Николаю Романову новые займы.

Французские займы, положив начало полуколониальной зависимости России, определили и стратегические планы русского генерального штаба. Из воспоминаний военного министра Сухомлинова мы знаем, что французские банкиры и впредь обещали ежегодные займы России при двух условиях:

1) Россия немедленно примется за постройку стратегических железных дорог, признанных необходимыми на совещании французского и русского генеральных штабов.

2) Состав русской армии в мирное время будет значительно увеличен.

Последнее условие было введено для того, чтобы обеспечить более быстрое разворачивание армий России, мобилизация которых запаздывала по сравнению с Германией.

Европа окончательно раскололась на две империалистические группы, готовые силой оружия решить спорные вопросы соперничества.

Репетицией к решению этой задачи явились балканские войны. Итало-турецкая война 1911 г. кончилась поражением Турции. Славянские страны на Балканах решили в это время положить конец постоянной опасности со стороны Турции и освободить тех славян, которые все еще страдали под игом турецкого деспотизма. В ряде балканских стран заговорили о создании союза балканских государств против Турции. Такое объединение балканских стран было бы шагом вперед в борьбе с турецким деспотизмом. Но рабочие и крестьяне балканских стран были слишком слабы, чтобы взять в свои руки организацию союза. Создание союза стало делом господствующих классов. Владимир Ильич писал по этому поводу: «Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, — несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, — несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей восточной Европе» [1].

Русская дипломатия была заинтересована в организации блока и помогала созданию балканского союза. По ее мнению, однако, союз балканских стран должен быть направлен не только против Турции и даже не столько против Турции, сколько против германского блока и прежде всего против Австро-Венгрии. Был момент, когда русская дипломатия даже носилась с идеей привлечь к балканскому союзу и Турцию, чтобы вырвать ее из-под влияния Германии, но Турция решительно высказалась против вхождения в балканский блок. О привлечении турок и слышать не хотела Болгария, ибо надеялась удовлетворить свои интересы только в войне против Турции. Министр иностранных дел России Сазонов вынужден был официально заявить, что никаких переговоров с Турцией он не вел, а русский посол в Константинополе был отозван. Балканский союз был создан без Турции и против нее.

Переговоры между Сербией и Болгарией о заключении союза начались еще в 1911 году. Несмотря на посредничество России, переговоры шли очень медленно. Больше всего споров вызвала судьба будущей Македонии. Болгария требовала себе всю Македонию, а Сербия настаивала на ее разделе. Немало трудностей вызывал и вопрос о будущей судьбе Албании. Сербия, получив Албанию, вместе с ней получила бы выход к морю. Но против этого резко высту-

---

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 175.

пили бы Австро-Венгрия и Италия: обе они со своей стороны претендовали на захват Албании. Положение осложнялось тем, что болгарский царь Фердинанд явно тяготел к германскому блоку.

Между правительствами обеих балканских стран шла непрерывная борьба из-за дележа будущей добычи, и только в марте 1912 г., наконец, был подписан сербо-болгарский договор. Обе страны гарантировали друг другу государственную независимость, обязуясь притти на помощь в случае нападения какой-нибудь третьей или нескольких держав. Обе стороны обязались притти на помощь друг другу также и в том случае, если бы какая-либо из третьих стран сделала попытку захватить какую-нибудь часть балканской территории, находящуюся под властью турок.

Но к договору было приложено секретное дополнение.

После победы Великой пролетарской революции договор этот был опубликован Советской властью в числе других секретных документов. Основной пункт дополнения гласил:

«В случае наступления в Турции внутренних беспорядков, которые могли бы угрожать государственным и национальным интересам обеих договаривающихся сторон или одной из них, а равно в случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, могущих наступить для Турции, status quo на Балканском полуострове будет поколеблено», — то оба государства вступают в переговоры о вооруженном выступлении. О результатах переговоров сообщается России. Если она не возражает, то начинается война. Если Россия не позволит, то вопрос передается опять-таки на решение России. Ее мнение будет обязательным.

Этот пункт был явно невыгоден России. Он означал, что Сербия и Болгария могут начать войну с Турцией в удобный для себя момент, а не тогда, когда Россия сочтет это для себя выгодным. Правда, в договоре подчеркивалось, что арбитраж России является обязательным для обеих сторон, но всякому было понятно, что в случае войны балканских стран с Турцией национальный подъём на Балканах был бы столь мощным, что Россия не пошла бы против воли народов, в противном случае она рисковала потерять свое влияние на Балканах. Русская дипломатия всячески выступала против секретного дополнения, но в конце концов уступила: Болгария категорически настаивала на нем. Уступка России была компенсацией Болгарии за ее переход в лагерь Антанты.

Сообщая Сазонову о заключении договора, русский посол в Сербии Гартвиг писал: «Таким образом благополучно полностью завершено казавшееся неосуществимым «Соглашение о Дружбе и Союзе» между Сербией и Болгарией...» [1]

К обеим странам примкнули Греция и Черногория.

Но Германия и Австро-Венгрия не хотели допустить ослабления Турции — своего восточного союзника, не хотели допустить укрепления России на Балканах. Германия и Австро-Венгрия стали помогать Турции. Эта помощь усложнялась тем, что Италия являлась союзником Германии, а Италия только что закончила войну с Турцией. Поддержка, оказываемая Турции, тем самым направлялась против Италии. Так борьба за разрешение национального вопроса на Балканах стала средством разрешения противоречий двух империалистических групп.

То, чего боялась русская дипломатия, скоро, однако, стало фактом: балканский блок начал войну раньше, чем русское правительство закончило свою подготовку к возможной европейской войне. В октябре 1912 г. Черногория начала боевые действия против Турции. Затем Сербия, Болгария и Греция также вступили в войну. Турция потерпела поражение. Греки заняли Салоники, сербы заняли большую часть Македонии, Северной Албании, Санджак, а болгары шли на Константинополь. Через три недели Турция запросила мира, обратившись к великим державам за посредничеством.

Успехи балканских стран испугали царизм. Русская дипломатия опасалась, что изгнание турок из Константинополя приведет к вмешательству европейских держав. Говорили, что английский и французский флоты стоят под парами и готовы войти в проливы. К тому же царское правительство не хотело, чтобы Константинополь попал в руки болгар: оно не доверяло болгарскому царю Фердинанду, чьи прогерманские настроения были хорошо известны.

С другой стороны, и Австро-Венгрия была обеспокоена успехами балканских стран. Она мобилизовала свою армию и сосредоточила крупные силы на сербской границе, чтобы не дать сербам закрепиться на Адриатическом побережье. Германия поддержала Австро-Венгрию. Вильгельм II обещал ей полную военную поддержку. Стало ясно, что первая балканская война может перерасти в европейскую. Не будучи готовой к этой войне, Россия проявила уступчивость.

---

[1] Сборник секретных документов № 3, стр. 105.

В Лондоне была созвана конференция, которая взяла в свои руки выработку мирного договора.

Лондонские переговоры, начатые в декабре 1912 г., продвигались вперед крайне медленно прежде всего из-за борьбы между Турцией и ее противниками, а главным образом из-за борьбы интересов крупных держав. В период переговоров в январе 1913 г. в Турции с помощью Германии произошел государственный переворот. К власти пришел младотурецкий кабинет. Поддержанная Германией, Турция заняла непримиримую позицию, не соглашаясь на условия мира. Боевые действия возобновились. Турция снова была разбита и второй раз запросила мира. В мае 1913 г. был, наконец, подписан мирный договор. За Турцией был сохранен Константинополь с небольшой территорией в Европе. Вся остальная часть Европейской Турции была поделена между победителями.

Первая балканская война, таким образом, принесла успех Антанте и серьезно ослабила позицию австро-германского блока. На стороне Антанты выступали армии балканских стран, показавшие свою боеспособность в борьбе с Турцией. Турция, на которую рассчитывали немцы, потерпела поражение и вряд ли могла представлять серьезную силу в будущей войне против России. На время Турция выходила из игры.

Этого усиления Антанты не хотела допустить Германия. Австро-германская дипломатия поставила поэтому перед собой задачу разбить балканский блок. Легче всего казалось вырвать Болгарию из состава балканского союза и перетянуть ее на свою сторону. Немцы стали интриговать в Софии, опираясь на царя Фердинанда. Перессорить балканские страны было нетрудно и потому, что между ними попрежнему продолжалась борьба и по вопросу о Македонии, и по вопросу о судьбе Салоник, и по вопросу о Южной Добрудже, на которую претендовала Румыния. Русские дипломаты всячески примиряли эти противоречия, стремясь сохранить балканский союз, но немцы настойчиво и упрямо, угрозами и обещаниями толкали Болгарию к войне. Поддержанная Австро-Венгрией и Германией, Болгария в конце июня 1913 г. напала на Сербию и Грецию. Началась вторая балканская война.

Но австро-германская дипломатия допустила здесь явный просчет. Болгария надеялась, что Германия и Австрия обеспечат ее тыл и не допустят вступления в войну Румынии, но ошиблась: в июле 1913 г. Румыния выступила против Болгарии. Болгария стала терпеть поражения.

Воспользовавшись ее тяжелым положением, Турция в свою очередь напала на Болгарию и захватила Адрианополь.

Австро-венгерское правительство, обещавшее Болгарии поддержку, не выполнило своего обещания. Оно готово было ввязаться в драку, но на этот раз Германия не торопилась: ее пугала позиция Англии, которая недвусмысленно дала понять, что выступит на стороне Антанты. В воздержании Германии немалую роль играли и чисто военные соображения: в 1913 г. Германия начала реорганизацию своих вооруженных сил и боялась, что не успеет ее закончить.

Оставленная без поддержки, Болгария запросила мира. В августе 1913 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, по которому Болгария уступила Сербии всю спорную область в Македонии, а румынам — Южную Добруджу. Болгария возвратила Турции часть Восточной Фракии с городом Адрианополем.

Из-за провокации немцев Болгария потеряла даже больше того, что приобрела после первой балканской войны. Тем не менее вторая балканская война явно усилила позиции германского блока: Германия и Австро-Венгрия добились распада балканского блока. На Балканах образовались две группировки: Сербия, Греция и Румыния, с одной стороны, и Болгария, начавшая вскоре при помощи Германии переговоры с Турцией, — с другой. Первая группировка была тесно связана с Антантой, вторая — с германским блоком.

Развивая свой успех на Балканах, Германия в ноябре 1913 г. направила в Турцию военную миссию из 42 офицеров во главе с генералом Лиманом фон-Сандерс. Немецкие офицеры приступили к реорганизации турецкой армии, причем Лиман был назначен командующим турецким корпусом, расположенным на берегах проливов. Правда, русские дипломаты добились освобождения Лимана от должности командира корпуса, но Германия сохранила за собой руководящее влияние в турецкой армии. Позиции Германии в Турции укрепились.

Балканские войны свидетельствовали о быстром приближении мировой войны.

В специальном письме, адресованном членам Государственной думы — большевикам, Ленин требовал от них в первом своем выступлении сразу же заявить об отношении большевистской партии к первой балканской войне и к развертыванию войны вообще.

В этой директиве Владимир Ильич рекомендовал присоединиться к той демонстрации в пользу мира, которая произошла в Базеле.

11—12 ноября 1912 г. в Базеле был созван экстренный международный социалистический конгресс. Собралось 548 делегатов со всех концов света.

Конгресс разработал манифест, в котором прежде всего подтвердил Штутгартскую резолюцию, принятую с поправками Ленина, а затем со всей резкостью заявил, что в случае, если вспыхнет империалистическая война, то задача революционных социал-демократов превратить эту империалистическую войну в войну гражданскую, принимая все меры, которые допускаются данной обстановкой.

Итог нарастанию революционного подъема в России подвело Поронинское совещание ЦК партии большевиков с приглашенными партийными работниками. Оно состоялось в сентябре 1913 г.

Не успели еще резолюции Поронинского совещания быть прочитаны и обсуждены, как развитие событий в стране подтвердило, насколько гениальны были предсказания Ленина о том, что подъем 1912 г. является началом революции.

9 января 1914 г. начавшиеся стачки охватили несколько сот тысяч рабочих. Стачки эти уже не прекращались, подойдя вплотную к всероссийской политической забастовке. Она началась с бакинской стачки, где пролетариат, воспитанный товарищем Сталиным, летом 1914 г. организовал стачку, охватившую больше 50 тыс. человек.

Бакинцы обратились за поддержкой к рабочим других промышленных центров. В Петербурге началась политическая кампания за поддержку бакинской стачки и за превращение ее во всероссийскую. Бастовало 200 тыс. человек. Рабочие начали строить баррикады.

В это время в Петербург приехал президент Франции Пуанкаре (прозванный «Паункаре-война»). Правительство вынуждено было возить его по Петербургу кружным путем, ибо в целом ряде мест, граничащих с центром, рабочие построили баррикады: они ясно говорили о массовом революционном движении.

Революционный подъем в стране, однако, не перерос в революцию: началась империалистическая война, которая отсрочила революцию на 2—2½ года. «Подъем

революции, — сказано в Кратком курсе истории ВКП(б), — был прерван мировой войной, в которой царское правительство искало спасения от революции»[1].

ПРОВОКАЦИЯ МИРОВОЙ СХВАТКИ

Пока в России нарастал революционный подъем, подготовка империалистической войны стремительно двигалась вперед.

В июне 1914 г. вся Европа была встревожена безобидным на первый взгляд сообщением: германский император Вильгельм II встретился в Богемии, на курорте Конопишт, с престолонаследником Австро-Венгрии эрцгерцогом Францем-Фердинандом. Престарелый император Австро-Венгрии Франц-Иосиф доживал свои последние дни, и потому судьбами двуединой монархии фактически управлял энергичный наследник. Официальным предлогом встречи послужило приглашение полюбоваться цветением роз в имении Франца-Фердинанда. Но среди приглашенных подышать свежим воздухом и насладиться запахом роз оказалось слишком много видных военных. В числе «любителей природы» был и адмирал фон-Тирпиц, которого считали — и правильно — организатором и руководителем недавно созданного германского наступательного флота. Ясно было, что на лоне природы будут вестись разговоры не только естественно-научного порядка.

Тревога в Европе усилилась, когда деятельный наследник прямо из Конопишта отправился на военные маневры, которые на этот раз были назначены в провинции Боснии, аннексированной в 1908 г. Австро-Венгерской империей. В Боснии за шесть лет не остыло еще возмущение против насилия, там с ненавистью говорили о вторжении в страну австрийцев. Глухое недовольство порабощенного народа готово было превратиться в открытое выступление.

Мало того, маневры австрийской армии были назначены на 28 июня 1914 г., в так называемый Видов день. В этот день 500 с лишним лет тому назад — 28 июня 1389 г. — турецкий султан Мурад I разбил на Коссовом поле войска сербов и взял в плен их короля Лазаря с сыном. Поздно вечером того же дня, когда турки пировали в своем лагере, молодой сербский воин Милош Обилич проник в палатку Мурада и заколол победителя. С тех пор Видов день стал

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 153.

для покоренных сербов днем национального траура — в этот день они потеряли свою независимость — и в то же время днем надежды на освобождение народа. Назначить маневры в провинции, болезненно переживающей национальное угнетение, устроить парад войск в день национального траура — это звучало оскорблением национальному самосознанию. Разжигание национальных страстей сулило неожиданные последствия.

Так оно и случилось. 28 июня рано утром сербский националист Габринович бросил бомбу в эрцгерцога Франца-Фердинанда, проезжавшего по городу Сараеву. Случайно уцелев от этой бомбы, Франц-Фердинанд повернул (то ли из-за небрежности полиции, то ли по специальной провокации этой же полиции) на старую дорогу, где серб — гимназист Принцип несколькими револьверными выстрелами убил Франца-Фердинанда и его супругу.

Сараевские выстрелы гулко разнеслись по всей Европе. Сербское правительство официально прекратило празднества в честь Милоша Обилича, но сербские националисты тайком радовались: убит тот, с именем которого в последние годы связывали всю наступательную политику Австро-Венгерской империи. Сербская пресса считала Габриновича и Принципа мучениками, отдавшими жизнь за родину.

Скоро, однако, тайная радость сменилась явным страхом: выстрелы Принципа не только убрали с дороги воинственного эрцгерцога империи, «съеденной червями», как сербские газеты называли Австрию, но и развязали такие силы, которые способны были потрясти всю Западную Европу.

Через два дня после этих выстрелов, именно 30 июня, германский посол в Австрии граф Чиршкий отправил рейхсканцлеру доклад, который был немедленно доставлен кайзеру Вильгельму II. Германский император сделал на докладе несколько замечаний. Вот часть этого доклада с замечаниями: «...по всем имеющимся признакам нити заговора, жертвой которого пал эрцгерцог, сходятся в Белграде. Дело было так хорошо задумано, что для выполнения преступления умышленно были подысканы совсем молодые люди, к которым могут быть применены только более мягкие меры наказания»[1].

Вильгельм сбоку написал: «Надо надеяться, что не будут!».

---

[1] Каутский, Как возникла мировая война, стр. 81, изд. 1924 г.

Посол германского императора продолжал дальше в письме:

«Здесь, даже со стороны серьезных людей, я неоднократно слышу пожелание, что нужно раз навсегда... основательно свести счеты с сербами. Надо прежде всего предъявить Сербии ряд требований, и, если она их не примет, действовать энергично» [1].

Вильгельм при словах «раз навсегда» вспыхнул и резко написал: «Теперь или никогда!».

Граф Чиршкий, не зная, какое впечатление произведут его слова, советовал: «Я пользуюсь всяким поводом, чтобы сдержанно, но весьма настоятельно и серьезно предостеречь от необдуманных шагов» [2].

«Миролюбие» германского посла, — а мы позже увидим, можно ли говорить о миролюбии, — вызвало буквально припадок бешенства у Вильгельма II. Гнев — плохой советник, и в гневе Вильгельм выболтал то, что с такой тщательностью скрывали дипломаты, а именно: Германия через два дня после сараевского убийства требовала полного разгрома сербов.

Вот что писал Вильгельм II по поводу «миролюбия» своего посла: «... Кто его уполномочил на это? Очень глупо! Это его совершенно не касается, так как это исключительно дело Австрии, думать о соответствующих шагах. После скажут, когда дело пойдет скверно: Германия не хотела!! Пусть Чиршкий соблаговолит оставить этот вздор! С сербами надо покончить, и именно, сейчас. В...» [3]

5 июля австрийский посол граф Сегени завтракал с Вильгельмом II в Потсдаме и передал письмо австрийского императора. За завтраком шла беседа, изложенная австрийским послом в следующем виде:

«По его (императора Вильгельма) мнению, не следует, однако, слишком долго медлить с выступлением против Сербии. Россия, во всяком случае, займет враждебную позицию. Но Вильгельм имеет это в виду уже в течение многих лет, и если бы дело даже дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия по привычной союзнической верности будет стоять на нашей стороне. Россия, впрочем, при данном положении вещей, еще ни в коем случае не готова к войне и, несомненно, должна будет еще хорошенько все взвесить, прежде чем апеллировать к оружию. Однако она будет вся-

[1] Каутский, Как возникла мировая война, стр. 81, изд. 1924 г.
[2] Там же, стр. 81—82.
[3] Там же, стр. 82.

чески подстрекать против нас другие державы тройственного согласия и раздувать пламя на Балканах.

Для него (Вильгельма) вполне понятно, что при всем известном миролюбии Его Императорского и Королевского Апостольского Величества ему трудно будет, наверное, решиться на вторжение в Сербию. Но, если бы мы, действительно, признали необходимым выступление против Сербии, то он (император Вильгельм) будет сожалеть, если мы не используем настоящий, столь благоприятный для нас, момент»[1].

Этот документ графа Сегени был опубликован в 1919 году. Так как австрийский дипломат был в возрасте, далеком от того, который называется юношеским, то его попросту объявили выжившим от старости из ума. Но факты, сообщенные престарелым дипломатом, подтверждаются дальнейшим ходом событий.

Немедленно после этой беседы Вильгельм II вызвал к себе рейхсканцлера Бетман-Гольвега и представителей министерства иностранных дел. Кроме того, Вильгельм II пригласил к себе целую группу военных, в том числе представителей флота и генерального штаба. Решено было принять подготовительные меры к войне. Соответствующие распоряжения были отданы по армии и флоту.

Чтобы скрыть свои приготовления, Вильгельм II, побеседовав с адмиралами и генералами, 7 июля объявил о своем отъезде на отдых.

О завтраке и беседах в Потсдаме Вена узнала на второй же день. 7 июля состоялось заседание австро-венгерского совета министров. Подбодренный поддержкой германского императора, граф Бертхольд доложил, что столкновение с Сербией вызовет войну с Россией, но «...эта война лучше сейчас, чем позднее». После доклада министра иностранных дел начались прения. Все единодушно одобрили воинственную речь Бертхольда. Опасались только, что Сербия пойдет на уступки и тем расстроит войну.

7 июля австрийский совет министров решил предъявить Сербии такой ультиматум, чтобы Сербия отказалась его принять. Это дало бы повод начать войну, т. е. сдвинуть ту машину, все части которой давно были собраны, смазаны и ждали только толчка к действию. Именно об этом и было донесено Вильгельму его послом, тем же графом Чиршким.

Но одно обстоятельство помешало ускорить развязку. Президент Французской республики Пуанкаре, давно собиравшийся в Россию, неожиданно объявил о своем отъезде

---

[1] «Красная книга», стр. 22, изд. 1919 г.

в Петербург для свидания с императором Николаем II. Сама по себе поездка не представляла ничего особенного, такие поездки французских президентов были в обычае последних десятилетий. Пуанкаре собирался в Россию давно, не раз откладывая уже решенную поездку. Но тут вдруг Пуанкаре заторопился. Австрийцы сообразили, что если они предъявят в этот период ультиматум Сербии, то Пуанкаре, находясь в это время в Петербурге, примет совместные меры с Николаем II. Чтобы затруднить сговор Франции с Россией, ультиматум решено было отложить на несколько дней, до тех пор пока Пуанкаре вернется из России во Францию, или лучше до тех пор пока он окажется на обратном пути: в дороге известие передадут не сразу, сговариваться будет труднее. Пройдет известное время, можно будет выиграть несколько часов, а может быть, и дней. За Пуанкаре начали следить. Его обложили так, как обкладывали террористы Франца-Фердинанда, выслеживая каждый шаг: утром, днем, вечером из всех городов, через которые проезжал Пуанкаре, сообщалось в Австрию, где он находится, когда он собирается выехать дальше. Наконец, выяснилось, что Пуанкаре выедет из Петербурга 23 июля вечером. На этот день в 4—5 часов вечера и было решено предъявить ультиматум Сербии.

Время, оставшееся до решительного часа, было потрачено на подготовительную работу. В газетах появились статьи на тему о беспокойной Сербии. Маленькая страна была объявлена источником постоянных беспокойств. Хищническую политику Австро-Венгрии выдавали за миролюбивую и терпеливую. О грозящей войне — ни звука. Страницы германской печати полны были сведений о мирном, спокойном путешествии Вильгельма по Северному морю. Сам путешественник в свою очередь тщательно старался скрыть подготовку к войне. Вильгельм запросил своего министра иностранных дел, удобно ли ему теперь поздравлять сербского короля с днем рождения, ибо день рождения сербского короля приходился на 12 июля. Министр ответил:

«Так как Вена не предприняла еще никаких шагов в Белграде, то отказ от посылки обычной телеграммы чересчур поразил бы и, быть может, привел бы к преждевременному беспокойству. Поэтому поддерживаю отправку телеграммы»[1].

Телеграмма сербскому королю была отправлена, о чем сообщила вся мировая пресса. Одновременно с поздравле-

[1] Каутский, Как возникла мировая война, стр. 109, изд. 1924 г.

нием Вильгельм II отдал приказ, чтобы весь его флот к 25 июля собрался в одном месте, — оттуда его можно было легко бросить в любое направление. Именно в этот день истекал срок ультиматума: его предполагали вручить 23 июля с требованием ответить через 48 часов, т. е. 25 июля.

23 июля утром секретарь министерства иностранных дел Сербии Груич Славко пришел, как обычно, на работу. У дверей здания министерства иностранных дел он встретил экипаж и крайне удивился. Чиновники министерства не имели обычая ездить, потому что город был небольшой. Иностранцы приезжали между 11 и 12 часами, ибо именно в это время шел прием иностранных послов. Слегка встревоженный, секретарь стал подниматься по лестнице. Навстречу спускался секретарь австрийского посольства и от имени австрийского посла барона Гизля спросил:

— Могу ли я видеть министра иностранных дел и премьер-министра Пашича?

— Его нет.

— Будьте добры, передайте ему, что австрийский посол хочет с ним встретиться в 4 часа дня.

— Нельзя ли отложить это на завтра?

— Нет, именно сегодня в 4 часа дня.

Груич Славко понял, что раз назначается свидание на определенное время, то, очевидно, от этого времени будет итти дальше счет. Он сразу догадался, что речь идет об ультиматуме, в котором будет указан какой-то срок.

Министра на месте не оказалось. В это время в Сербии происходили выборы в парламент. Все министры находились в провинции. Сам Пашич — премьер-министр — находился в деревне, с которой даже не было телеграфной связи. К нему пришлось отправить курьера с телеграммой о немедленном приезде.

В 3 часа 55 минут вечера в министерство иностранных дел явился со смущенным видом тот же австрийский чиновник и заявил, что барон Гизль не в состоянии явиться к 4 часам и просит отсрочить свидание до 6 часов вечера. Оказалось, что Пуанкаре из Петербурга выедет на один час позже, чем намечалось. Австрийцы решили отложить предъявление ультиматума на два часа, чтобы известие из Сербии не застало президента в русской столице, а настигло в дороге.

Ровно в 6 часов барон Гизль явился в министерство иностранных дел, вручил ноту, наговорил все, что полагается в таких случаях, раскланялся и ушел.

605342
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Сербские министры, проведшие весь день в тревоге, едва выждали, пока спина австрийского посла скрылась за дверью, быстро прочли ультиматум. Своей резкостью он превзошел все ожидания. В нем было 10 требований, из которых приведу некоторые:

«1. Запретить все издания, которые возбуждают ненависть и презрение к монархии (т.-е. Австро-Венгрии) и общие тенденции которых направлены против ее территориальной целости...

3. Немедленно изъять в учебных заведениях Сербии как в отношении преподавательского персонала, так и в отношении учебных пособий все, что служит или могло бы служить к поддержанию пропаганды против Австро-Венгрии.

4. Удалить с военной службы и вообще из администрации всех офицеров и чиновников, виновных в пропаганде против австро-венгерской монархии, причем императорское и королевское (австро-венгерское) правительство сохраняет за собой право сообщить фамилии и факты королевскому правительству.

5. Согласиться на сотрудничество в Сербии органов императорского и королевского (австро-венгерского) правительства в деле подавления вредоносных движений, направленных против территориальной целости монархии...

9. Дать императорскому и королевскому (австро-венгерскому) правительству объяснения по поводу неоправдываемых заявлений высших сербских чиновников как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на официальное положение, не постеснялись после покушения 28 июня выразиться в интервью неприязненным образом против австро-венгерской монархии...

10. Незамедлительно уведомить императорское и королевское (австро-венгерское) правительство об исполнении мер, предусмотренных вышеизложенными пунктами.

Императорское и королевское (австро-венгерское) правительство ожидает ответа королевского правительства не позже, чем в субботу 25 сего месяца в 6 часов вечера...» [1]

Речь шла о том, чтобы полностью покончить с независимостью страны, ибо позволить ввести в Сербию австрийские войска, предоставить им право определять, кто ведет пропаганду против Австрии, значило отдать управление в стране в чужие руки.

---

[1] Международная политика новейшего времени в договорах и декларациях, ч. II, стр. 4—5, М. НКИД.

Сербское министерство иностранных дел разослало ноту своим послам по всем столицам Европы.

В России в это время провожали Пуанкаре, он уезжал из Кронштадта. Все русские министры выехали туда. В суматохе и парадной шумихе проводов министру иностранных дел Сазонову не успели вручить ноту. Он познакомился с ней только на другой день, т. е. 24 июля рано утром. Прочитав австрийскую ноту, Сазонов воскликнул:

«Ведь это европейская война!»

ПРИЧИНЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Товарищ Сталин, говоря о причинах мировых войн, указывал: «...война возникла, как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма. Марксисты не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперед, а через кризисы и военные катастрофы. Дело в том, что неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причем та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьем и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить «сферы влияния» в свою пользу — путем применения вооруженной силы. В результате этого возникают раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними»[1].

Закон развития капиталистического общества — неравномерность. Отдельные предприятия, отрасли производства, целые страны развиваются не так, что одно из них или одна из них, заняв передовые позиции, сохраняет их до конца, а развиваются крайне неравномерно. Неравномерность эта усилилась и резко обострилась в период империализма, когда, по определению товарища Сталина, «...экономического неравенства между странами меньше, чем это было в прошлом, но неравномерности экономического и политического развития несравненно больше, чем прежде, и проявляется она острее, чем раньше, при чем неравномерность

---

[1] Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., стр. 6.

эта ведет обязательно и неминуемо к скачкообразности развития...»[1]

Во второй половине XIX в. закон неравномерного развития капитализма вытолкнул вперед Германию.

После франко-прусской войны Германия получила от побежденной Франции 5 млрд. франков контрибуции. Золотой дождь словно окропил её промышленность: Германия гигантскими шагами двинулась вперед.

В 1871 г. в Германии добывалось (в круглых цифрах) 38 млн. тонн угля, в 1900 г., т. е. через 30 лет, — 150 миллионов.

В Англии за это время добыча угля с 110 млн. тонн поднялась до 228 млн., т. е. вдвое, а в Германии — в четыре раза.

Чугуна Германия производила в том же, 1871 году 1 391 тыс. тонн, в 1900 г. — 8 млн. 507 тыс. тонн; Англия — соответственно 6 млн. и 9 млн. тонн. В то время как выплавка чугуна в Германии выросла почти в семь раз, в Англии она не выросла даже вдвое. Если взять Францию, то отношение будет еще более выгодное в пользу Германии. В 1871 г. Франция производила немногим больше 1 млн. тонн чугуна, а к началу XX в. — 2 млн. 700 тыс. тонн.

Мало того, Германия не только обогнала все европейские страны по своему промышленному развитию, но объем продукции ее промышленности перерос национальные потребности. Германские империалисты добивались колоний для экспорта товаров, главным образом для экспорта капиталов. Нужны были колонии и как место получения сырья и как место применения капиталов.

С какой быстротой шел экспорт капиталов, можно судить по тем данным, которые Ленин приводил в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (напечатана в апреле 1917 г. отдельной брошюрой).

К 1893 г. Англия имела за границей 42 млрд. франков, Франция — 20 млрд. франков, Германия — нет данных.

К 1902 г., через десять лет, Англия повысила свои капиталы с 42 млрд. до 62 млрд., Франция — с 20 млрд. до 27—37, Германия — до 12 млрд. франков.

Еще через десять лет Англия увеличила капиталы с 62 до 75 — 100 млрд., Франция — с 27—37 до 60, Германия — с 12 до 44, т. е. почти в 4 раза. Германскому быстро растущему империализму стало тесно в национальных границах. Но колонии к концу XIX в. почти все были поде-

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 386.

лены. Большая часть колоний находилась в руках англичан. К 1880 г. Англия владела колониями площадью в 7,7 млн. кв. миль с 270 млн. населения, а Франция — 0,7 млн. кв. миль с 7,5 млн. населения. Германия колоний не имела. К 1900 г. (в круглых цифрах):

Англия имела 9,3 млн. кв. миль колоний с 309 млн. населения;

Франция имела 3,7 млн. кв. миль с 56 млн. населения;

Германия имела 1 млн. кв. миль с 15 млн. населения.

Характеризуя степень экономического развития разных стран, Ленин писал: «...мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессировавшие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей, страну наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»[1].

Страны «молодого капитализма», и в первую очередь Германия, а за ней и Япония проявляли большую агрессивность, большую воинственность в переделе мира. «Империалистическое соревнование между ними и борьба, — писал Ленин по поводу противоречий между Германией и Англией, — крайне обострены тем, что Германия имеет ничтожную область и мало колоний...»[2]

Всюду молодой германский империализм встречал сопротивление мирового монополиста — Англии. Везде товары с клеймом «Made in Germany» (сделано в Германии) натыкались на марку «Made in England» (сделано в Англии). В Европе, Африке, Азии, Южной Америке шла глухая, скрытая конкурентная борьба. Англия цепко берегла свою монополию. Ей помогало в этом наличие крупнейшего в мире флота. Чтобы облегчить условия борьбы, Германия решила прежде всего укрепить свой флот.

14 июля 1900 г. адмирал фон-Гольц от имени адмирала фон-Тирпица выступил с программой строительства нового военного флота. До этого германский флот состоял из 9 броненосцев, 3 больших крейсеров, 28 малых крейсеров, всего 40 единиц. Германский флот был слабее даже русского флота. Адмирал фон-Тирпиц в 1900 г. внес законо-

---

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 136.

[2] Там же, стр. 148.

проект, по которому Германия должна была в развитии морского флота догнать Англию. Для этого с 1900 по 1920 г. в Германии должны были быть построены 2 флагманских броненосца, 4 эскадры по 8 кораблей-броненосцев, 8 больших крейсеров и 24 малых; кроме того, специальная колониальная эскадра — в 10 судов.

Сверх того решено было добиться замены старых броненосцев и крейсеров новыми. Таким образом у немцев должно было быть 38 броненосцев, 14 броненосных крейсеров, 38 легких крейсеров и по крайней мере 96 миноносцев. Итого: почти 100 единиц крупных кораблей против 40, которые Германия имела в 1900 году.

Никто не верил в эту программу, но Тирпиц регулярно закладывал каждый год два броненосца, один броненосный крейсер, по два легких крейсера и по целому дивизиону миноносцев.

Немецкая программа вызвала в Англии колоссальную тревогу. В ответ англичане решили прежде всего сконцентрировать по возможности весь свой флот около берегов Англии. Английский флот был разбросан на Дальнем Востоке — в Тихом океане, в Средиземном море и т. д. Большая часть крейсеров была стянута к берегам Англии.

Этого, однако, оказалось недостаточным. В 1906 г. английский адмирал Фишер сконструировал новый мощный корабль под названием «дредноут». Он полагал, что постройка дредноутов парализует Германию. Но, увы! Адмирал Фишер не учел, что немцы строят новый флот и потому могут быстро переориентироваться и начать постройку флота с нового типа кораблей. Так и случилось. Тирпиц изменил свою программу и вместо броненосцев стал строить дредноуты с таким расчетом, чтобы у него из 38 линкоров было 33 дредноута. В Англии спохватились, но уже было поздно. Исправить ошибку нельзя было. Фишер ушел в отставку. Началась бурная строительная гонка. Немцы закладывали корабль за кораблем. В 1912 г. в Германии был принят новый закон, по которому должно было быть построено еще 3 дредноута и 50—60 подводных лодок. Личный состав флота доводился до 100 тыс. человек.

Затем была создана особая резервная эскадра. Новобранцы проходили обучение в 3-й резервной эскадре, а две основные эскадры круглый год были в полной готовности.

Англичане высчитали, что при выполнении задуманной программы германский флот будет самым сильным в Северном море. Сорвать выполнение плана можно было, только ускорив развязку. Англичанам выгодно было начать войну

именно в 1914 г., потому что в 1914 г. заканчивалась постройка 7 дредноутов для иностранных государств — Италии, Чили, Турции и т. д. В случае войны англичане могли сразу конфисковать 7 готовых кораблей и пустить их в действие.

Германия, напротив, была заинтересована в том, чтобы морскую развязку оттянуть как можно дольше. Тирпиц понимал, что будущее — за германским флотом.

Противоречия между Германией и Англией были основными среди причин, вызвавших первую мировую войну. Критикуя статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», товарищ Сталин считает главным ее недостатком то, что в перечне причин войны упущен момент империалистической борьбы за колонии, «...упущены роль Англии, как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда (речь идет о 90-х годах прошлого века. — **И. М.**) серьезное значение и сыгравших потом почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны»[1].

Но для того чтобы воевать с Германией, Англия как островная страна, не имевшая своей постоянной армии, вынуждена была искать себе союзников на континенте. Таких союзников она нашла прежде всего в лице Франции, у которой были весьма серьезные противоречия с Германией, и, во-вторых, — в лице России.

Пятимиллиардная контрибуция, высосанная германским победителем, потеря железной руды очень задержали экономическое развитие Франции после франко-прусской войны. Разгром Парижской Коммуны, во время которого погибли лучшие силы пролетариата, оставил на время французский капитализм без квалифицированной рабочей силы. Французский империализм принял отличный от других стран характер. «Ростовщический, ссудный капитал», — так определил Ленин лицо французского империализма.

Несмотря, однако, на потерю Лотарингии, где находилась почти половина всех запасов руды, во Франции руды оставалось достаточно. В 1900 г. было добыто 5,5 млн. тонн, в 1910 г. — 14,5, а накануне войны, в 1913 г., — 22 млн. тонн.

Но французская промышленность не в состоянии была использовать всю эту руду. Нехватало угля, и французские промышленники со скрежетом зубовным наблюдали, как тысячи вагонов руды отправлялись в Германию. Жадность французских капиталистов разгоралась тем больше, что

---

[1] Журнал «Большевик» № 9 за 1941 г., стр. 4.

уголь, в котором ощущался такой недостаток, находился тут же, почти под рукой — недалеко от границы, в Рурско-Вестфальском районе. Руки французских империалистов невольно тянулись к германскому углю.

Дело непрерывно обострялось тем, что германский капитал проникал во французскую промышленность. Пятая часть акций железорудных компаний находилась в руках германских капиталистов. Предприимчивые немцы появились в химической и машиностроительной отраслях французской промышленности. Молодой хищник посягнул и на ту область, в которой, казалось, монополия целиком оставалась за Францией: Германия стала конкурировать со своей побежденной соседкой в экспорте капитала. Германский капитал появился в Марокко.

Тяга к германскому углю и борьба против активности германского капитала с годами оформились в коротком требовании: вернуть Эльзас-Лотарингию! Французские империалисты знали, что из 28 млн. тонн руды, добываемой Германией, 21 млн. тонн немцы получали в оккупированной Лотарингии.

Англия использовала противоречия между Германией и Францией, чтобы увлечь последнюю в русло своей политики. Создание союза между Англией и Францией было ускорено, между прочим, русско-японской войной: боясь остаться с глазу-на-глаз с Германией в случае неудачи России, Франция бросилась в объятия Англии. 8 апреля 1904 г., как уже говорилось, было заключено «сердечное соглашение» между Францией и Англией, которое вошло в историю как начало Антанты.

Россия, урегулировав свои разногласия с Англией, в 1907 г. стала третьим членом Антанты.

По сравнению с решающей причиной войны — англо-германскими противоречиями, роль царской России в подготовке первой мировой войны была второстепенной. Противоречия между Россией и Германией как причины войны стояли на втором месте. Перечисляя недостатки статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма», товарищ Сталин отнес к ним переоценку роли завоевательной политики царизма как одной из причин первой мировой войны.

«Дело в том, — писал товарищ Сталин, — что со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы прошлого столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская

Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы»[1].

В России та стадия развития капитализма, которую Владимир Ильич назвал империализмом, была достигнута в начале XX века. Но вообще в России командовали не капиталисты, а крепостники-помещики. Вот этот своеобразный переплет, в котором экономически командует империализм, т. е. империалистический капитал, а у политической власти стоит крепостник-помещик, в руках которого военная сила, Ленин назвал военно-феодальным империализмом, т. е. империализмом новейшего типа, который весь оплетен густой сетью старых, средневековых отношений. Царская Россия была резервом западноевропейского империализма в двух областях: во-первых, более 60 проц. тяжелой промышленности находилось в руках иностранного капитала, главным образом англо-французского; во-вторых, царская империя содержала почти полтора миллиона солдат к услугам западноевропейского империализма для защиты его интересов и прибылей. «Царская Россия, — по определению товарища Сталина, — была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат... Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе.

Наконец, царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.»[2].

Задачи, которые ставила себе царская Россия в империалистической войне, Владимир Ильич Ленин определил в следующих ярких выражениях: «Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т.-е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, при чем на первом месте стоят в этой войне д в а столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в на-

---

[1] Журнал «Большевик» № 9 за 1941 г., стр. 4.
[2] С т а л и н, Вопросы ленинизма, стр. 5, изд. 11.

стоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники... Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и т о й ж е Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять в с ю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.» [1].

Противоречия между Германией и Россией особенно обострились после русско-японской войны. Источник этих противоречий возник в 80-х годах прошлого столетия, когда русское самодержавие установило покровительственные тарифы. Они закрыли свободный доступ германским товарам на внутренние рынки России. В ответ на это Германия повысила ввозные пошлины на русский хлеб до 50 марок на каждую тонну. От этой тарифной перепалки взвыл русский помещик, потому что такая высокая пошлина на хлеб резко снижала его прибыли. В круглых цифрах русские помещики теряли до полумиллиарда золотых рублей в год.

В 1894 г. это противоречие удалось несколько ослабить. Россия заключила новое торговое соглашение, по которому Германия соглашалась снизить пошлину на хлеб с 50 до 35 марок. Но уступка была получена ценой понижения покровительственных тарифов, и германские товары заполнили российский рынок, сначала польский, т. е. ближайший к Германии, а затем проникли и во внутренние губернии, где до тех пор продавался ситец собственного производства. На этот раз на дыбы стали подыматься русские капиталисты. Недовольным оставался и помещик: сокращенные ввозные пошлины все же снимали слишком много пенок с помещичьих доходов.

Противоречия между Россией и Германией усилились после того, как Германия в погоне за колониями захватила в Китае Киао-Чао и укрепилась там. В 1889 г. Германия получила концессию на постройку железной дороги из Берлина в Багдад через турецкие провинции. Это означало, что Германия проникла в восточные страны и стремится закрепить свое влияние в Турции, главным образом в Константинополе, за который столько лет велись войны русским царизмом. Это рассорило окончательно обоих находившихся как будто в добрососедских отношениях императоров. Гер-

[1] Л е н и н, Соч., т. XIX, стр. 280—281.

мания очень искусно втравливала Россию в борьбу с Японией из-за Манчжурии. Германия была заинтересована в том, чтобы нанести удар России и тем самым облегчить себе борьбу на Западе. Германская дипломатия великолепно знала, что за спиной Японии стоит Англия и русско-японская война, несомненно, затянется. В 1904 г., в разгаре войны с Японией, русское правительство после серьезных поражений на фронте заключило новый торговый договор с Германией и еще более понизило покровительственные тарифы, а немцы установили 60 марок тарифа на русский хлеб. В результате немецкие помещики, прусские юнкеры стали выбрасывать на иностранный рынок свой хлеб. Немецкий хлеб появился в русских прибалтийских губерниях, в Финляндии и даже частично в Польше. Перед войной царское правительство ввело запретительные тарифы на иностранный хлеб. Самая крупная аграрная страна вынуждена была ввести запретительные пошлины. Вот до чего дошли империалистические противоречия!

Разочарованный в своем «Вилли», как называл себя в переписке с Николаем II Вильгельм II, русский царь охотно ответил на заигрывание Англии и Франции. С помощью французских капиталистов Российская империя вышла из потрясения, вызванного поражением на фронте и первой буржуазно-демократической революцией. Заем почти в миллиард рублей золотом, устроенный парижскими банками, помог русскому царизму справиться с результатами войны и в борьбе с революцией. В 1907 г. Россия заключила соглашение с Англией. Это дало возможность сконцентрировать все внимание на подготовке к борьбе с вероломным «Вилли».

Россия спешно приступила к перевооружению своей армии. План реорганизации предполагалось завершить к 1917 году.

К этому необходимо прибавить, что во Франции в 1912 г. был введен трехлетний срок военной службы. Благодаря введению этого закона в 1914 г. французская армия задерживала солдат на год с лишним, т. е. становилась в полтора раза больше. Вот почему французам выгодно было развязать войну не позже 1914 года.

Все это вместе взятое указало Германии, что, хотя адмирал фон-Тирпиц и прав, оттягивая войну до тех пор, пока Германия станет сильней на море, на суше Германия проиграет — здесь ее обгонят. Россия с помощью французских капиталов, французских займов быстро стала восстанавливать свою боевую мощь после русско-японской войны. По-

этому Германия принимала все меры, чтобы ускорить развязку, не дать возможности русским реорганизовать свою армию и французам использовать свои временные преимущества. Германия провоцировала осложнения, обостряла до крайности все противоречия, разжигала конфликты. Германские империалисты нагло и настойчиво развязывали мировую войну. Сазонов был прав, когда сказал, что ультиматум Сербии — это европейская война.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

24 июля, в 11 часов утра, к Сазонову явился австрийский посол Сапари и вручил копию австрийского ультиматума. Между обоими дипломатами произошло бурное объяснение с очень резкими эпитетами по отношению друг к другу. Но Сапари не добился вразумительного ответа от русского министра иностранных дел: останется ли Россия нейтральной или будет воевать.

Выпроводив австрийского посла, Сазонов вызвал к себе начальника генерального штаба Янушкевича. Министр рассказал генералу об ультиматуме и познакомил его с содержанием своей беседы. Янушкевич срочно вернулся в генеральный штаб, потребовал к себе начальника мобилизационного отдела генерала Добровольского и предложил ему в течение одного часа представить на рассмотрение все данные по вопросу о мобилизации русской армии. Добровольский спросил его: какой мобилизации — всеобщей или частичной, т. е. мобилизации только против Австро-Венгрии или мобилизации всей армии. Ему на это Янушкевич ответил:

«Вы представьте оба соображения — там будем судить».

Сазонов тем временем отправился к Палеологу, французскому послу в России, туда же был срочно вызван английский посол Бьюкенен. Русский министр поставил прямо вопрос: готовы ли Франция и Англия выполнить свои обещания? Палеолог заверил русского министра иностранных дел, что не только все симпатии, но и оружие французской армии к услугам русских. Бьюкенен ответил уклончиво. Противоречия Англии и Германии были основными причинами войны. Англия была крайне заинтересована в разгроме своего главного врага, но сама по себе она хотела остаться в стороне от драки и свалить своего германского соперника чужими руками. Еще накануне решающей схватки, ею же самой подготовляемой, Англия вела двусмысленную игру: не говоря твердого «да» своим союзникам, она в то же

время и не произносила категорического «нет» немцам. На прямой вопрос Сазонова и Палеолога, выступит ли Англия на стороне союзников, Бьюкенен отвечал, что общественное мнение страны еще не выявилось. Английский посол воздержался от прямого ответа, ссылаясь на отсутствие сведений от правительства.

Немного разочарованный, Сазонов после беседы с послами поехал на заседание совета министров. Оно состоялось в 3 часа дня. Сазонов сообщил происшествия всего дня. В заключение решено было объявить мобилизацию четырех округов, прилегающих к австро-венгерской границе, мобилизовать весь Черноморский флот, принять все необходимые меры на случай будущей войны.

Все эти решения и постановления совета министров на другой день, т. е. 25 июля, были доложены царю. На новом совещании в присутствии царя они получили его санкцию с одним только добавлением. Император Николай II предложил, во-первых, мобилизовать не только Черноморский, но и Балтийский флот, а это явно было направлено против Германии; во-вторых, объявить в России подготовительный к войне период, чтобы дать возможность подготовиться к объявлению всеобщей мобилизации. В тот же день, в 8 часов вечера, состоялось заседание генерального штаба. Начальник генерального штаба сообщил:

«Государю императору было благоугодно признать необходимым поддержать Сербию, хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы».

Штаб постановил:

1) объявить в ночь с 25 на 26 июля предмобилизационный период;

2) объявить мобилизацию четырех военных округов;

3) быть готовым ко всеобщей мобилизации на случай, если Германия примкнет к Австро-Венгрии;

4) вернуть все войска на зимние квартиры;

5) потребовать от всех министров выполнения всех мер, предусмотренных «Положением о подготовительном к войне периоде».

Таким образом, 25 июля Россия фактически встала на путь войны. Задача, поставленная перед русской дипломатией, состояла теперь в том, чтобы заставить врага первым объявить о начале войны, поставить врага в положение поднявшего меч. С этой задачей Сазонов прекрасно справился.

Сербия, начиная с 23 июля, со дня получения ультиматума, оставалась без советов со стороны своих покровителей. 24 июля весь день в Белграде шли заседания то министров, то командиров частей. Наследник сербского престола королевич Александр два раз был у русского посла, добиваясь от него ответа, — поддержит Россия или не поддержит.

Вечером состоялось заседание совета министров, на котором решено было все же ждать ответа из России. 25 июля — с утра никаких сведений. Не имея ответа, нервничающий сербский совет министров дает распоряжение заготовить два ответа на ультиматум Австро-Венгрии: один положительный, другой отрицательный. Вечером, наконец, было получено сообщение, что Россия поддержит. Министры ожили и быстро приступили к составлению ответа. До истечения ультиматума оставалось каких-нибудь два часа. Министры Сербии проявили изумительное творчество. В короткий срок они сочинили ответ, который является шедевром дипломатических тонкостей. Сербия принимала все условия, поставленные австрийцами, но вместе с тем вносила столько поправок и дополнений, что от ультиматума фактически ничего не оставалось.

В 5 час. 50 мин. премьер-министр Пашич явился к барону Гизлю, австрийскому послу, который уже сидел на чемоданах. В кармане у Гизля лежала нота о разрыве сношений с Сербией. За два часа до отъезда к нему забежали от итальянского посла и сообщили непроверенный слух, будто Сербия собирается принять полностью ультиматум. «Что вы говорите! — растерялся Гизль. — Ведь это же невозможно. Это исключено!». Барон нервничал в ожидании ответа Сербии. Неужели так тонко подготовленный план провалится и война будет сорвана уступчивостью Сербии? Но вот появился Пашич. Барон Гизль быстро пробежал ответ и облегченно вздохнул: многие пункты ультиматума не были приняты, как ни крючкотворски составлялся ответ. В 6 час. 10 мин. барон уехал на вокзал и только в 6 час. 30 мин. сообщил своему министру, что он разорвал все связи с Сербией.

Война началась. 29 июля Австрия бомбардировала Белград. В тот же день, как только стало известно о бомбардировке Белграда, Янушкевич, начальник русского генерального штаба, приказал Добровольскому заготовить для подписи два указа: один о частичной мобилизации, направленной против Австро-Венгрии, и второй приказ о мобилизации по всей Российской империи. С этими ука-

150 — 2

замы Янушкевич отправился к Николаю. Тот сказал: «Подпишу оба».

Вернувшись от царя с подписанными указами, Янушкевич пригласил к себе германского военного атташе. Германский офицер доказывал Сазонову, что бомбардировка Белграда — еще не повод для войны. России, де, нечего думать о мобилизации. Янушкевич заверял военного атташе «честным словом офицера», что мобилизация в России еще не проводится.

В 1917 г., уже после второй русской революции, когда Янушкевичу пришлось давать показания по делу министра Сухомлинова, он сказал, что отнюдь не нарушил своего честного слова. «Указ о мобилизации лежал еще у меня в кармане, мобилизация не началась еще», — цинично говорил генерал.

После ухода германского атташе Янушкевич поручил Добровольскому собрать под указом о всеобщей мобилизации — выбрали всеобщую! — подписи военного министра Сухомлинова, морского — Григоровича и министра внутренних дел Маклакова. Когда указ для подписи дали Маклакову, которого застали дома, он стал колебаться. «Война может вызвать революцию», — испуганно говорил министр. «Но нельзя избежать своей судьбы!», — вздохнул он, перекрестился и подписал указ.

Военный министр Сухомлинов уже был в курсе всего замысла и подписал указ без долгих разговоров. Григоровича не могли найти: он был в Кронштадте и собирался вернуться к 7 часам вечера. Этот промежуток времени было решено использовать для технической подготовки передачи телеграммы. Прибывший из Кронштадта Григорович не поверил объявлению всеобщей мобилизации. Он уверял, что русский флот не готов к бою с германским. Григорович позвонил Сухомлинову и, получив подтверждение, подписал телеграмму. Добровольский помчался на телеграф рассылать указ по всей стране.

Буквально за три-четыре часа до этого Пурталес, германский посол, в третий раз явился к Сазонову. Посол сообщил, что он получил распоряжение своего министра иностранных дел о том, что если Россия объявит мобилизацию, предъявить ей ультиматум. В случае объявления мобилизации немцы открывают наступление против России. Сазонов внешне попытался разыграть довольно миролюбивую сцену, а на деле, как только Пурталес ушел, немедленно сообщил Николаю о том, что немцы как будто бы готовы на ультиматум. Николай сказал: «Начинайте тогда всеобщую моби-

150 — 2

лизацию». Распоряжение о всеобщей мобилизации стали передавать по телеграфу.

Вдруг около десяти часов вечера на телеграф прискакал офицер из генерального штаба. Он передал распоряжение генерального штаба: прекратить объявление всеобщей мобилизации, а разослать приказ о частичной мобилизации.

Оказывается, пока искали Григоровича, пока шли переговоры, от Вильгельма получили телеграмму с предложением мирного разрешения конфликта.

Почему Вильгельм вдруг сдал?

К 29 июля выяснилось: во-первых, Италия, которая являлась членом Тройственного союза, т. е. союзником Германии и Австро-Венгрии, остается нейтральной, а, возможно, перейдет на сторону другой коалиции; во-вторых, 29-го выяснилась позиция Англии. Вильгельм понял, что Англия все время вела дело не к тому, чтобы сохранить нейтралитет, а сама подталкивала и ускоряла весь конфликт. Поэтому Вильгельм сдал и предложил мирное посредничество.

Дело было опять-таки не в миролюбии Германии: Вильгельму II во что бы то ни стало хотелось выиграть время, не дать России провести всеобщую мобилизацию.

В 2 часа ночи Пурталес в четвертый раз за день буквально вломился к Сазонову. Пурталес, предупрежденный о мирной попытке Вильгельма, рвал на себе волосы за свой недавний воинственный разговор с Сазоновым. Он умолял Сазонова сформулировать какое-нибудь предложение, смягчающее конфликт.

Сазонов ответил:

«Если Австрия, признавая, что ее конфликт с Сербией принял характер вопроса, имеющего общеевропейское значение, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие принцип суверенитета Сербии, Россия обязуется прекратить все свои военные приготовления» [1].

С этим ультиматумом Пурталес ушел от Сазонова говорить по проводу с Вильгельмом II.

Утром 30 июля состоялось заседание в генеральном штабе в присутствии начальника штаба Янушкевича, министра иностранных дел Сазонова, военного министра Сухомлинова. Министры пришли к выводу, что частичная мобилизация поставит Россию в крайне тяжелое положение. Было ясно, что Германия хочет выиграть время, вынудив Россию задержать всеобщую мобилизацию. Решили уговорить Ни-

[1] «Красный архив», т. IV, стр. 22, изд. 1923 г.

колая II взять обратно отказ от всеобщей мобилизации. Генерал Янушкевич взял трубку, позвонил в Царское Село и попросил Николая II отменить свое постановление и дать разрешение на всеобщую мобилизацию. Николай II ответил, что он уже послал телеграмму Вильгельму с согласием на мирное посредничество, и в нервном раздражении прекратил разговор. Янушкевич едва успел ему крикнуть, что министр иностранных дел Сазонов очень хотел бы сказать два слова. Сазонов попросил у царя аудиенции. Тот ответил, что примет его в 3 часа дня и притом вместе с генералом Татищевым. Генерал Татищев был представителем царя Николая II при дворе Вильгельма II и как раз в тот день должен был ехать в Берлин с письмом от Николая II.

Министры и генерал условились, что царю необходимо доказать вероломство Германии и добиться от него приказа о всеобщей мобилизации. Янушкевич просил Сазонова по получении утвердительного ответа немедленно позвонить в генеральный штаб по телефону, чтобы не терять ни одной минуты для подготовительных мер. «После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации» [1].

В три часа дня Сазонов был принят царем. Министр целый час доказывал, что частичная мобилизация сорвет план всеобщей мобилизации. Сазонов вместе с генералом Татищевым доказывали, что если не объявить всеобщей мобилизации, то немцы опередят, потому что, по мобилизационному плану, Россия должна затратить 32 дня на мобилизацию своих сил, а немцы — всего 14 дней. Нужно выиграть время. Сазонов уверял Николая II, «что его, царя, совесть чиста, что ни перед богом, ни перед будущими поколениями русского народа ему не придется отвечать за пролитие крови, которое эта ужасная война принесет России и всей Европе».

Наконец, в 4 часа Николай II согласился на всеобщую мобилизацию. Сазонов спустился в нижние комнаты дворца и сообщил Янушкевичу, нетерпеливо ждавшему у телефона, что можно объявить о всеобщей мобилизации.

«Теперь вы можете сломать телефон», — добавил Сазонов.

«Мой телефон испорчен», — радостно ответил Янушке-

[1] «Красный архив», т. IV, стр. 30, изд. 1923 г.

вич и приказал рассылать телеграммы о всеобщей мобилизации с 31 июля.

Германский посол узнал о всеобщей мобилизации не из донесений, а из афиш, висевших 31 июля на всех улицах. Немцы предъявили ультиматум: в течение 12 часов прекратить мобилизацию, в противном случае Германия объявляет свою мобилизацию. Николай II отказался отменить мобилизацию, и 1 августа Вильгельм II Гогенцоллерн объявил войну России. Таким образом, русская дипломатия вынудила германскую дипломатию сделать первый официальный шаг — заставила Германию перед мировым общественным мнением открыто выступить нападающей стороной.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ВОЙНЫ

У каждой из стран уже давно были заготовлены планы войны. В Германии над планом будущей войны работал генерал Шлиффен, с 1891 по 1905 г. состоявший начальником генерального штаба Германии.

Кошмар войны на два фронта всегда преследовал государственных деятелей Германии. Ее дипломатия десятки лет билась над тем, чтобы избежать войны на два фронта. Когда выяснилось, что в борьбе за мировое владычество немцам не избежать борьбы на два фронта, все их расчеты стали строиться на том, чтобы расправиться с одним из противников до того, как другой приведет в готовность свои военные силы. В этом одна из причин появления в Германии планов «молниеносной войны»: быстро свалить одного из противников, пока второй соберется с силами. Генерал Шлиффен долгие годы изучал возможные театры войны. Он выезжал на места. Много раз были проведены военные игры, в которых принимал участие комсостав армии. Он долго взвешивал возможность наступать сначала на Россию, а потом обратиться против Франции. Но военная история показала, что война с Россией неизбежно примет затяжной характер. Шлиффен отбросил эту возможность и остановился на другом плане: учитывая медлительность мобилизации в России — 32 дня, — использовать эту длительность для того, чтобы все силы двинуть против Франции, а потом расправиться с Россией.

Граница Франции от Швейцарии до Люксембурга была укреплена крепостями, и только в отдельных местах оставлены проходы. Это сделано было нарочно, чтобы вовлечь в эту ловушку немцев. По бельгийско-люксембургской границе крепостей было меньше. Шлиффен решил разделить

всю немецкую армию на две части: в одну входили 53 дивизии, в другую — всего 8 дивизий. Эту вторую часть армии было решено поставить против французских крепостей на левом фланге. Если французы атакуют левый фланг, они должны будут отойти к Рейну. Но зато 53 дивизии обрушатся на Францию, прорвавшись через незащищенную Бельгию. Один генерал изобразил этот план в виде двери, вращающейся на одном стержне: чем крепче вы ее толкнете в одну сторону, тем сильнее она ударит вас в спину. Чем сильнее французы будут напирать на левый фланг немецкой армии и удаляться от своих крепостей, тем быстрее и сильнее правый немецкий фланг ударит внутрь Франции.

Умирая, генерал Шлиффен говорил: «Дело должно дойти до сражения, сделайте только сильным правый фланг».

Выполнение плана Шлиффена перешло в руки Мольтке — не старика, а его племянника. А у последнего не было ни нервов, ни таланта своего дяди. В 1905 г., с того периода, когда был утвержден план Шлиффена, у немцев прибавилось 9 дивизий. Вместо того чтобы большую часть их направить на правый фланг, 8 дивизий отправили на левый фланг и только одну дивизию — на правый.

На русском участке фронта задача, по плану Шлиффена, сводилась к тому, чтобы завлекать русских внутрь Германии, в систему германских крепостей, а потом, когда расправятся с французами, используя свою блестящую сеть дорог, опрокинуть русских.

«Такая развязка, — писал генерал Людендорф по поводу плана Шлиффена, — была необходима, чтобы иметь возможность своевременно отвратить большую опасность русского вторжения в сердце Германии. Наступление на Россию и оборона на западе при существующей обстановке заранее означали бы, как это показали многочисленные военные игры, затяжную войну и были ввиду этого забракованы генералом графом фон-Шлиффеном» [1].

Французский план был построен на следующем: так как на юге вся линия усеяна крепостями, то, как только немцы перейдут в наступление на своем правом фланге, всей своей массой ударить по левому флангу немцев. Французы, видимо, знали план Шлиффена, но полагали, что сломят немецкий фланг и прорвутся в глубь Германии до того, как немцы пробьют линию бельгийских крепостей и создадут угрозу Парижу. Французы явно не учли развития артилле-

[1] Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. I, стр. 25.

рии, понадеялись на мощь крепостей и шли буквально в ловушку Шлиффена.

Русский генеральный штаб рассчитывал, пока будет итти мобилизация, сконцентрировать все свои силы против Австро-Венгрии, разгромить ее армию и затем выйти в тыл немецкой армии, с тем чтобы отрезать Восточную Пруссию и те немецкие армии, которые действуют в Восточной Пруссии.

Таков был план, но не так пошло дело. Займы, которые Россия получила от Франции, заставили ее изменить свой стратегический план. Как только немецкая машина двинулась в ход и сразу перешла через бельгийские границы, щелкая, как орехи, бельгийские крепости, французские генералы потребовали от русских, чтобы они вторглись в Восточную Пруссию. Напрасно русские генералы доказывали, что армия не готова, что мобилизация еще не кончилась,— французы продолжали настаивать. Палеолог бывал по 3—4 раза в день у царя, у министров, у главнокомандующего русской армией Николая Николаевича, дяди царя, и в конце концов вынудил русских твердо заявить, что 13 августа они начнут наступление в Восточной Пруссии.

Итти в наступление, не закончив мобилизации, — даже артиллерия еще не была подвезена, — значило поставить армию и страну под серьезный удар. Но интересы общего союза оказались выше интересов одного из его участников: всего через две недели после начала войны две русские армии «неожиданно быстро», как признали сами французы, вторглись в пределы Восточной Пруссии. Первой армией командовал генерал Ренненкампф, второй — генерал Самсонов. Русские армии должны были оттянуть на себя часть немецких сил и приостановить продвижение армии Вильгельма II на Париж.

Под ударами русских немцы начали отходить. В Германии начался переполох. С Западного фронта в самый разгар наступления на Париж были срочно сняты 2½ корпуса и брошены против русских войск. Командующим войсками был назначен Гинденбург, сидевший до этого момента в своем имении в отставке; начальником его штаба — Людендорф. Генерал фон-Мольтке и его генерал-квартирмейстер фон-Штейн буквально умоляли Людендорфа спешно выехать в Восточную Пруссию. «Может быть, вы еще спасете положение на востоке», — писал Мольтке. «...Отступление за Вислу, — признавал Людендорф, — вело бы нас к поражению... Последовал бы полный разгром» [1].

[1] Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. I, стр. 41.

Но обстановка на русском фронте стала к этому времени меняться. Армия генерала Самсонова в итоге многодневных боев и длительных переходов была крайне утомлена. Из-за полного расстройства тыла армия не получала боеприпасов. Средства связи находились в негодном состоянии. Русские генералы сносились по радио без шифра. Немцы, перехватывая русские радиограммы, имели полную картину расположения русских армий. Немцам удалось перехватить очень важное сообщение: армия Самсонова продолжала наступление, а генерал Ренненкампф, находясь в 80—100 км от Самсонова, приостановил свое наступление. На этом построили свой расчет Гинденбург и Людендорф: они решили все свои силы бросить против армии Самсонова с целью разгромить ее до подхода Ренненкампфа. 26 августа начались операции против армии Самсонова. Они длились пять дней и закончились полным разгромом армии генерала Самсонова. Голодные, измученные русские солдаты, без надлежащего руководства и в этих тяжелых условиях проявили исключительное геройство. Они разбили несколько дивизий немцев. Но эти успехи положения не выправили. Армия Самсонова потеряла 20 тыс. убитыми и 92 тыс. пленными. Отдельные ее разрозненные части пробились сквозь кольцо немецкого окружения и вышли на реку Нарев. 14 дивизий армии Ренненкампфа так и не тронулись с места, хотя его конница от места боев генерала Самсонова находилась в каких-нибудь 40 километрах.

После разгрома Самсонова Гинденбург направил все силы против Ренненкампфа. Подошло пять дивизий, переброшенных с Западного фронта, и совместно с остальными силами Гинденбург обрушился на армию Ренненкампфа. Русские потерпели новое поражение.

Любопытно отметить, насколько германская военщина фальсифицировала историю войны. Сражение с русскими происходило сравнительно далеко от города Танненберга, где в 1410 г. соединенные рати русских, поляков и литовцев разгромили тевтонских рыцарей. Когда завершился разгром армий Самсонова и Ренненкампфа, немецкий штаб заготовил приказ. Подавая приказ на подпись Гинденбургу, генерал Людендорф поставил местом издания приказа город Танненберг. Генерал Гинденбург недоуменно развел руками: причем здесь Танненберг? Но Людендорф возразил: «Мы имеем возможность поправить историческую несправедливость». Приказ был подписан. С тех пор все германские историки стали называть битву с армиями Самсонова и

Ренненкампфа танненбергской победой. Так фальсифицировали историю немецкие генералы.

Неудачи русских имели серьезные последствия. Немцы перенесли войну со своей территории на территорию Российской империи. Всю дальнейшую войну немецкие империалисты вели на территории России. Но дело, над которым работал всю жизнь Шлиффен, провалилось. Мольтке не выдержал панических воплей прусских юнкеров и ослабил правый фланг на Западном фронте, сняв пять дивизий для Восточного фронта. Это дало возможность французам подтянуть силы и в сражении на реке Марна задержать наступление немцев. Париж удалось отстоять. На левом фланге генералы из кронпринцев и принцев, детей германского императора, баварского короля и т. д., не захотели отступать, заманивая французов к Рейну, в то время как на правом фланге шло наступление, и, вопреки плану Шлиффена, в свою очередь перешли в контратаку. Французы были отброшены к линии крепостей и прикрылись ими, освободив часть сил. Это позволило французам перебросить их против главных сил Вильгельма. Франция была спасена.

Неудачи в Восточной Пруссии не остановили наступательного порыва русских войск. 23 августа четыре русские армии на Юго-Западном фронте, опять-таки не завершив мобилизации, перешли в наступление и обрушились на австро-венгерские войска. Противник устоял. Австро-венгерские войска оттеснили русских на своем левом фланге, но их успех был временным. Русские войска развернули новое наступление. Оно шло с севера и востока, охватывая противника. Австрийцы начали отступление по всему фронту. Под ударами русских оно превратилось в беспорядочное бегство. 3 сентября был занят Львов, главный город Восточной Галиции, а затем окружена австрийская крепость Перемышль со стотысячным гарнизоном. Австро-венгерская армия была отброшена до самых Карпат, где задержалась у горных перевалов. Русские войска одержали блестящую победу. Галицийское сражение имело исключительное значение для хода и исхода мировой войны. Отныне Германия вынуждена была буквально разрываться между двумя фронтами. Вот что писал немецкий генерал Фалькенгайн, сменивший Мольтке младшего после провала плана Шлиффена: «Нет никаких данных отчаиваться в удовлетворительном исходе войны, но события на Марне и в Галиции отодвинули этот исход на совершенно неопределенное время. Задача быстро добиться решения, что до сих пор является основной для немецкого способа ведения войны, свелась к нулю».

По авторитетному признанию врага, наступление русских в Галиции сорвало план молниеносной войны, началась длительная война со всеми гибельными для Германии последствиями.

БОЛЬШЕВИКИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Через несколько дней после начала войны военный министр Бельгии позвонил царскому послу князю Кудашеву. Министр просил пропустить телеграмму Вандервельде на имя русских социалистов в Государственной думе.

Кудашев встревожился. Для него, как и для царя Николая II, все партии левее октябристов уже казались анархистами. А ведь Вандервельде слыл лидером II Интернационала. Посол потребовал, чтобы Вандервельде показал предварительно свою телеграмму. Князь и лидер II Интернационала встретились в приемной царского посольства. Кудашев внимательно прочитал телеграмму и, не встречая возражений, стал ее редактировать. Вместо призыва к «борьбе с империализмом» сановный цензор вставил «к борьбе с прусским юнкерством». В таком исправленном виде телеграмма была послана в министерство иностранных дел в Петербург. Отсюда телеграмму направили во все газеты, и только после этого правительственный курьер доставил ее меньшевику Чхеидзе.

В этом эпизоде — царский посол редактирует послание «социалистического» министра, — эпизоде, достойном пера сатирика, отразилась вся глубина падения и гнусность поведения лидеров II Интернационала.

Смущенный предупредительностью царского правительства, Чхеидзе не осмелился ответить Вандервельде, но его соратники, не облеченные званием депутатов Государственной думы, написали декларацию. В ней меньшевики признавали, что «не противодействуют войне». Этого было достаточно для русской буржуазии: она понимала, что «не противодействовать» значило «содействовать» войне.

Так ответила на войну партия мелкобуржуазных защитников капитализма. Что касается кадетов и других буржуазных партий, то они не нуждались ни в каком прикрытии или прикрашивании своего отношения: в день объявления войны их представители вместе с черносотенцами стояли на коленях перед Зимним дворцом в Петрограде и пели «Боже, царя храни!»

Только партия большевиков, одна во всем мире, смело и открыто выступила против грабительской империалистической бойни.

Ленина война застала в Галиции. Он жил в это время в Поронино. Отсюда было ближе к руководству большевистской фракцией Государственной думы, отсюда было легче пересылать те статьи, которые Ленин писал членам Государственной думы. Известно, что самые крупные политические речи, произнесенные в Государственной думе членами большевистской фракции, были написаны Владимиром Ильичем. Так было не только в IV, но и во II Государственной думе. Мы знаем знаменитую речь по аграрному вопросу, чрезвычайно четкую, исключительную по доказательности и простоте, — она была написана Владимиром Ильичем.

7 августа к Ленину явились австрийские жандармы в сопровождении понятых, чтобы произвести у него обыск. У Ленина нашли статистические таблицы по аграрному вопросу. Так как Ленина часто видели на велосипеде в горах, то жандармы решили, что цифровые данные и диаграммы — это шифрованные записки, шпионские донесения. Ленин был объявлен шпионом и посажен в тюрьму в Новый Тарг, недалеко от Поронино.

Здесь он просидел с 7 по 19 августа. Ленину грозил военный суд, а в тот момент шовинистической горячки, в момент патриотических манифестаций, когда ксендзы в костелах вели агитацию против русских, когда возвращавшиеся оттуда крестьяне, как рассказывает Надежда Константиновна Крупская в своих воспоминаниях, говорили: «Пора с этим русским расправиться», — имея в виду Владимира Ильича, — в этот момент военный суд мог кончиться чрезвычайно печально. Поэтому Надежда Константиновна предупредила членов Центрального Комитета большевиков. Они обратились к депутатам австрийского парламента, в частности к Виктору Адлеру, с сообщением, что Ленин арестован по подозрению в шпионаже. Виктор Адлер явился к министру иностранных дел. Тот его спросил:

— Вы ручаетесь, что Ленин действительно является врагом царской монархии?

Виктор Адлер ему ответил:

— О да, ваше превосходительство, больше, чем вы!

Министр не понял иронии, но распорядился освободить Ленина.

В тюрьме Ленин еще и еще раз продумал отношение большевистской партии к войне и составил тезисы, в кото-

рых изложил большевистскую оценку войны и тактику партии в борьбе против империалистической войны.

После освобождения из тюрьмы Ленин 4 сентября уехал вместе с Надеждой Константиновной в Швейцарию, в г. Берн.

5 сентября утром Владимир Ильич приехал в г. Берн и сразу же после приезда познакомил местную группу большевиков со своими тезисами по отношению к войне. Тезисы эти были присланы в Россию через Ф. Н. Самойлова — члена Государственной думы. Он их доставил членам Центрального Комитета. Через несколько дней Ленин получил сообщение, что ряд крупнейших организаций большевиков целиком и полностью присоединяется к тезисам.

Тезисы необходимо было опубликовать. Нужна была типография. Но в партийной кассе — всего 40 рублей. Владимир Ильич принимает все меры для того, чтобы напечатать тезисы.

Наконец, в «Социалдемократе» появился манифест большевистской партии.

Надо представить себе ту обстановку, в которой выступил Ленин. Официальная патриотическая печать желтым потоком захлестнула весь мир. Войну из-за раздела колоний и грабежа чужих земель буржуазия пыталась выдать за национально-освободительную, отечественную войну. Большинство более или менее известных деятелей II Интернационала перешло на сторону буржуазии. Поджигатели войны и их лакеи кричали, что ведут войну за оборону отечества. Насквозь лживыми фразами о защите отечества в данной империалистической войне обманывали народ. При этом эсеры и меньшевики ссылались на Маркса, который считал возможным для пролетариата в определенный период защищать отечество. Лакеи буржуазии подло извратили Маркса. То, что было верно для эпохи начала возникновения капитализма и притом верно при определенных условиях, изменники социализма механически, вопреки требованиям диалектического материализма, перенесли на период конца капитализма. Там передовой класс, буржуазия, выступал против феодализма. Здесь, в империалистической войне, передовой класс, пролетариат, выступает против загнивающего, умирающего капитализма. Там феодально-династическим войнам противопоставлялись революционно-демократические, национально-освободительные войны. Здесь империалистическо-буржуазной войне, с точки зрения движения вперед, может противостоять война против буржуазии, за социалистическую революцию.

Перебежчики пытались выхолостить в марксизме его революционную душу. Они не признавали революционных средств борьбы. Они приспособляли марксизм к интересам своей буржуазии.

Ленину предстояло прежде всего отстоять марксизм в беспощадной борьбе против ренегатов. Вот как сам Владимир Ильич писал о грандиозной задаче, выпавшей на долю большевиков: «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория выросла со 2-ой половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в разработке и применении этой теории, а в наши дни в беспощадной борьбе против уродования ее Плехановым, Каутским и К°» [1].

Ни жестокие преследования врагов, ни суровая, полная лишений жизнь в эмиграции не помешали Ленину в систематической теоретической работе, не сломили железной воли титана человеческой мысли.

В каких условиях работал Ленин, можно судить по одной записке, несмотря на свою скупость, крайне ярко освещающей этот драматический период в жизни величайшего гения человечества:

«О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем... Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне» [2].

Если такие строки вырвались из-под пера Ленина, то можно себе представить, что происходило на самом деле.

Чтобы выяснить отношение партии к войне, надо было прежде всего определить характер войны.

Как определить характер войны? Все буржуазные и мелкобуржуазные партии определяли характер войны по тому, кто раньше напал, кто первый вынул меч.

Все они делили войны на наступательные и оборонительные.

В Германии писали, что русские объявили войну. В России уверяли, что Вильгельм первый вынул меч. Французские империалисты убеждали своих солдат в том, что Германия

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 286—287.
[2] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 276.

вторглась без предупреждения. В Англии кричали, что Германия развязала войну. Словом, горы книг были исписаны для того, чтобы доказать, что противная сторона является виновником войны.

Каутский, Плеханов прикрывали эти поиски цитатами из Маркса, ссылаясь на одно из мест Маркса, требовавшего выяснить, «успехи какой стороны желательны»...

Такой извращенной постановкой вопроса отводили массы от действительных виновников войны.

Дело не в том, кто раньше напал или кто раньше обнажил меч.

В англо-бурской войне буры напали на англичан, но никто никогда не сомневался, что именно Англия вела завоевательную войну.

«Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов,— писал Ленин.— Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа» [1].

А в другом месте:

«Эту империалистическую войну мы все ждали, к ней мы готовились. А раз так, то совсем не важно, кто напал; подготовлялись к войне все, а напал тот, кто в данную минуту считал это более выгодным» [2].

Другие пытались определить характер войны по тому, где стоит неприятель, на чьей территории идет война. Этот подход явно неверен. Французские революционные войска воевали на чужой территории, но никто на этом основании не оспаривал справедливого характера французских революционных войн.

Третьи, наконец, подходили к определению характера войны по наличию насилия, грабежа, захвата чужой территории. Этот признак и вовсе не выдерживает критики. Элемент насилия имеется во всякой войне, в том числе и в революционных французских войнах.

Большевики были не против всякой войны. Ленин внес четкость и ясность в определение характера войны. Надо определить, какой класс ведет войну, какую политику продолжает данная война, какую политическую цель преследует эта война. С этой точки зрения Ленин разработал вопрос о справедливых и несправедливых войнах.

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 125.
[2] Там же, стр. 52.

Это был огромный вклад в сокровищницу марксизма. Это учение, проверенное на опыте после 1914—1918 гг., подытожено со сталинской четкостью в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Опираясь на свое учение о характере войны, Ленин и подошел к империалистической войне.

Война вспыхнула не случайно. Она подготовлялась империалистическими странами долгие годы. Это была грабительская с обеих сторон война. Германия развязала войну, чтобы отнять колонии и самой грабить Турцию, Персию, Украину. Англия, Франция и царская Россия воевали за сохранение награбленных колоний, за грабеж и раздел Турции, за захват других земель. Война шла между двумя группами угнетателей из-за дележа добычи, за передел мира, кому грабить те или иные народы. Ленин доказывал, что и в эпоху конца капитализма, в этой империалистической войне могли быть национально-освободительные войны. Если бы Марокко восстало против Франции, Индия — против Англии, — это были бы справедливые, законные войны. Мы были бы на стороне войны угнетенных против поработителей.

Фразы о защите отечества в империалистической войне — сплошной обман. Только при свержении господствующего класса, при коренном изменении цели войны пролетариат мог бы выступить в защиту отечества. «Мы станем оборонцами, — писал Ленин, — л и ш ь п о с л е перехода власти к пролетариату, п о с л е предложения мира, п о с л е разрыва тайных договоров и связей с банками, л и ш ь п о с л е»[1].

В манифесте, посвященном войне, Ленин разоблачал прежде всего классовый характер войны. Он показал, чьими интересами вызвана эта кровавая, грабительская война.

«Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России...

---

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 116.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые», демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и т. д., еще более давить революцию в России» [1].

Ленин разоблачал партии II Интернационала, которые предали интересы социализма, предали рабочий класс, перешли на сторону буржуазии. Ленин объяснил исторические корни этого краха. Он показал, как в течение последних полутора десятка лет накапливались оппортунистические элементы во II Интернационале, как они восторжествовали, наконец, в дни начала войны. Ленин объяснял, почему II Интернационал распался на три группы: на правых, открыто перешедших на сторону буржуазии; на левых, стоявших на интернационалистических позициях; и на группу центра, которая пыталась усесться между этими двумя группами, но фактически только прикрывала своими поступками правых.

Какие же лозунги предложил Ленин для деятельности большевистской партии в тот период?

«Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну, — писал Ленин, — есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом» [2].

Курс на революцию, обращение оружия против врагов внутри страны, как метко выразился Карл Либкнехт, — та-

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 61, 62.
[2] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 66.

ков первый основной лозунг. Но из этого вытекала вторая задача: курс на революцию облегчался поражением своей буржуазии.

Вот почему Ленин выдвигал второй лозунг:

«При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии» [1].

И третий лозунг — лозунг полного разрыва с оппортунистами:

«Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско» [2].

Вот лозунги, с которыми выступил Владимир Ильич, лозунги, которые стали руководящими для всей работы большевистской партии.

Ленин отстоял марксизм в борьбе против теоретиков и руководителей либеральной буржуазии, против мелкобуржуазных партий всех видов и оттенков, против разнообразных форм и уклонов внутри партии — правых, «левых», примиренческих.

Одним из крупнейших доводов, с помощью которых меньшевики втягивали трудящиеся массы в войну, было доказательство, что первая мировая война есть национально-освободительная война. Владимир Ильич выступил с рядом резких статей, разоблачающих оборонцев. Скоро после манифеста появилась статья «О национальной гордости великороссов».

С исключительной силой и яркостью Владимир Ильич писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. $^{9}/_{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким на-

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 65.
[2] Там же.

силиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»[1].

И далее Ленин пишет:

«Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», так говорили величайшие представители последовательной демократии XIX века, Маркс и Энгельс, ставшие учителями революционного пролетариата»[2].

К этим двум именам мы должны прибавить имена гениев человечества — Ленина и Сталина, руководство которых позволило великой коммунистической партии претворить в жизнь свои лозунги и вывести нашу страну из империалистической войны.

ПОРАЖЕНИЕ ЦАРСКОЙ АРМИИ И РАЗРУХА В РОССИИ

Потерпев поражение на Марне, германское командование, однако, не оставило попытки, согласно плану Шлиффена, обойти левый фланг французской армии. Избегая обхода, англо-французские армии, к которым присоединились бельгийцы, в свою очередь пытались обойти правый фланг наступающей германской армии. Начались многодневные бои, известные под именем «бег к морю». Фронт обеих армий постепенно вытягивался к северу, пока не уперся в море. План Шлиффена окончательно провалился: немцам не удалось обойти французов. Маневренная война закончилась. Солдаты зарылись в землю. Война превратилась в длительную позиционную войну, успех которой решался количеством ресурсов той или другой стороны.

Неудачи на Западном фронте германский блок пытался поправить за счет русского фронта, тем более что Австро-Венгрия, потерпев поражение в Галиции, настойчиво требовала помощи. Немцы стали перебрасывать войска на Восточный фронт. Для того чтобы свести на-нет успехи русских в Галиции, на границе Нижней Силезии была сформи-

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 81.
[2] Там же, стр. 81—82.

рована новая — 9-я армия. Ей была поставлена задача наступать на Польшу, захватить Варшаву и создать угрозу тылу русских войск, действовавших против Австро-Венгрии. В конце сентября 1914 г. 9-я армия форсированным маршем под командованием Гинденбурга ринулась к Варшаве. Австрийцы также начали наступление, чтобы поддержать немцев.

Но русское командование к этому периоду изменило свой план. Вместо того чтобы добить австрийцев и итти на Вену, оно, под давлением союзников, решает направить основные силы против Германии. Русское командование готовилось к глубокому вторжению в пределы Германской империи через Верхнюю Силезию и в свою очередь стало накапливать войска под Варшавой. Переброска войск происходила в крайне тяжелых условиях. Немцы использовали свою густую сеть железных дорог, а русские солдаты совершали переходы по осенней грязи. Солдаты выдержали испытания. Русские корпуса стали сосредоточиваться под Варшавой. Когда в октябре немецкая армия подошла к польской столице, она столкнулась с крупными силами русских. В кровопролитных боях немцы потерпели поражение и стали отходить к границам Силезии. Перешедшие в наступление австро-венгерские войска также потерпели поражение и стали откатываться к Кракову. Перед русским командованием встала возможность реализовать задуманное глубокое вторжение в Германию. Но развить успех не сумели. Наступала зима, продовольствия и снарядов не хватало. Отступающий противник все взрывал при своем отступлении. Дороги были разрушены. Наступление пришлось вести в крайне неблагоприятной обстановке. К тому же немцы перебросили значительные пополнения. Перевес сил стал клониться в сторону немцев. Создалась благоприятная обстановка для срыва предпринимаемого русскими наступления. Немцы перебросили пополненную 9-ю армию в Восточную Пруссию, чтобы оттуда обрушиться на фланг русских, когда те начнут наступление, — о нем немцы уже разведали. Австрийцы должны были наступать со стороны Кракова.

11 ноября немцы атаковали русских и прорвали их фронт на стыке 1-й и 2-й армий. В прорыв ринулись крупные силы, чтобы выйти в тыл 2-й армии и завершить окружение русских под Лодзью. Но войска 2-й армии сдержали натиск немцев и разорвали наступающую армию на две части. Одна из этих частей в свою очередь попала в окружение под Лодзью. «Не могу выразить, что я при этом почувство-

вал: все висело на ниточке», — так писал генерал Людендорф по поводу окружения русскими немцев.

Но хорошо задуманная операция и на этот раз была сорвана генералом Ренненкампфом, армия которого являлась последним звеном в цепи окружения немцев. Как и в битве в Восточной Пруссии, Ренненкампф опоздал. На пути отходящих немцев оказалась одна только 6-я сибирская дивизия. Сибиряки два дня сдерживали немцев, но, не поддержанные дивизиями Ренненкампфа, были разбиты. Немецкие войска вышли из ловушки, потеряв 40 тысяч человек. Преступление Ренненкампфа было настолько явным, что солдаты на фронте пустили поговорку: «Ренненкампф и Шейдеман (другой командующий русской армией) выпустили третьего немца из кольца».

Пока на поле битвы кровавые сражения сменялись одно другим, дипломатия обоих враждующих империалистических лагерей вела крупную игру по привлечению на свою сторону нейтральных стран. В августе 1914 г. на стороне Антанты выступила Япония, которая мечтала закрепиться в Китае, пользуясь отвлечением главных соперников на европейский театр войны.

Германия в самом начале войны заключила союзный договор с Турцией, но последняя после балканских неудач к войне не была готова. Чтобы выиграть время, Турция объявила нейтралитет, приступив одновременно к мобилизации. Германия лихорадочно стала перебрасывать боевые припасы, артиллерию, послала офицеров для руководства мобилизацией и укреплением Дарданелл и Босфора. Подготовку к войне Турция прикрыла переговорами с русским послом якобы на предмет заключения союза. Под прикрытием этих переговоров турки пропустили через Дарданеллы германские военные корабли «Гебен» и «Бреслау», чем сразу подорвали превосходство русского Черноморского флота над турецким. В конце октября «Гебен» и «Бреслау» бомбардировали Феодосию и Одессу. Турция вступила в войну. Образовался новый фронт — Кавказский. На Ближнем Востоке против Антанты образовались Месопотамский, Дарданельский и Палестино-Сирийский фронты.

Для России вступление Турции в войну имело серьезное значение. Во-первых, часть русских сил с австро-германского фронта отвлекалась на Кавказ; во-вторых, Россия теряла кратчайшее сообщение через Босфор, Дарданеллы и Средиземное море с внешним миром и, главным образом, с Англией и Францией; в-третьих, резко ухудшалось поло-

жение Сербии, лежавшей на прямом пути центральных держав в Турцию.

С первых же дней после объявления войны на Кавказском фронте русские повели наступление и вторглись в пределы Турции. Подтянув значительные силы, турки перешли в контрнаступление, на отдельных участках потеснили русских и проникли на Кавказ, главным образом по линии Черноморского побережья. К декабрю здесь наступило затишье в военных действиях. Прибывший в турецкую армию один из военных руководителей Турции — Энвер-паша, воспитанник германской военной академии, решил по образцу немцев в Восточной Пруссии окружить русских под Сарыкамышем и разгромить их. Военные действия начались 22 декабря стремительным ударом турок в обход русских. К 25 декабря положение русских войск стало критическим: обходящие колонны турок быстро продвигались вперед. Об отступлении в условиях горной местности, когда перевалы были засыпаны снегом, а другие более удобные пути отступления уже заняты турками, не приходилось и думать. Помощник главнокомандующего Кавказским фронтом, а фактически главнокомандующий, генерал Мышлаевский, прибыв из Тифлиса, попытался было организовать оборону Сарыкамыша, но, увидев полную безнадежность этого дела, на все махнул рукой и уехал обратно в Тифлис формировать новую армию. При таких условиях начались бои под Сарыкамышем. 9-й турецкий корпус, состоявший из трех дивизий, 26 декабря прорвался к Сарыкамышу и занял окраину города. Но русские дивизии устояли. Дальнейшее движение турок было приостановлено. Перейдя в наступление, русское командование искусным маневром начало окружать 9-й турецкий корпус. Вскоре путь отступления туркам был отрезан. 4 января 1915 г., после тяжелых боев, остатки разгромленного 9-го турецкого корпуса полностью сдались. В плен были взяты командир корпуса и начальники всех его трех дивизий. Та же участь постигла и 10-й турецкий корпус, обходивший русских в другом направлении. Он потерял всю артиллерию, лишь жалкие остатки его спаслись бегством через снежные ущелья. Подоспевшая из Тифлиса сибирская казачья бригада при содействии войск фронта разгромила 1-й турецкий корпус. Наступило крушение всей 3-й турецкой армии, действовавшей против Сарыкамыша. Остатки ее спаслись бегством.

Разгром турок под Сарыкамышем имел большие последствия. Упрочилось положение России на азиатском театре войны. Облегчились действия союзников на других

турецких фронтах, откуда турки вынуждены были спешно снимать войска и перебрасывать их на Кавказский фронт. Усилилось влияние Антанты в Персии и других мусульманских странах, не втянутых в войну. Силы Турции в самом начале были подорваны, и перспективы, ожидавшиеся Германией от вступления ее в войну, полностью не оправдались.

Большую дипломатическую активность повели враждующие страны вокруг вовлечения в войну Италии. Объявив о своем нейтралитете, Италия, однако, секретно вела переговоры с Германией об условиях, на которых она согласна выступить на стороне Германии и Австро-Венгрии. Одновременно итальянский посол в Петербурге заявил, что Италия не надеется на получение желаемых приобретений от Германии и Австро-Венгрии и согласна вступить в обмен мнениями с Антантой. Италия требовала предоставления Трентино, Триеста и Валоны на албанской территории, явно стремясь превратить Адриатическое море в закрытое. Антанта согласилась на эти условия. Но Англия и Франция терпели в это время поражение на фронте, и Италия потребовала дополнительных условий. Италия настаивала на том, чтобы Россия удерживала в Галиции определенную часть австро-венгерских войск и чтобы англо-французский флот поддержал итальянцев. Неуспехи Антанты на фронте заставили торгующихся итальянцев прервать переговоры с Антантой до более благоприятного времени. В то же время итальянские дипломаты вели переговоры с германским блоком, добиваясь значительной добычи за свое участие в войне на стороне противников Антанты или компенсации за свой нейтралитет. Торговля итальянского правительства кровью своего населения продолжалась, и в 1915 г. Италия запрашивала от Антанты все большую плату за участие в войне. Кроме прежних требований, она добивалась получения Тироля до перевала Бреннер и требовала части югославских земель, а в Африке и Малой Азии — части английских и французских колоний. Добившись согласия на эти требования, Италия в мае 1915 г. объявила войну Австро-Венгрии.

Такая же дипломатическая борьба велась вокруг вовлечения Румынии в войну. Германия предлагала Румынии за участие в войне отдать Бессарабию, а Россия обещала уступить Трансильванию. Общим для враждующих лагерей было то, что и Антанта и германский блок обещали Румынии территориальные награды за счет врага. Румынское правительство, как и итальянское, затягивало окончатель-

ный ответ, выжидая наиболее удачного момента, когда можно будет получить максимум.

1915 год враждующие коалиции встретили поисками новых путей для нанесения решающих ударов. Ни у Антанты, ни у германского блока не было достаточно материальных ресурсов, чтобы прорвать линии Западного фронта. «На западе без перемен» — такова стереотипная сводка боев на Западе. Некоторые из генералов Антанты требовали перенесения войны на Балканы, чтобы прервать связь между Турцией и Германией и со стороны Балкан пробиться в Германию. Английский флот попытался прорваться через Дарданеллы. Германия, со своей стороны, рассчитывала перенести центр операций в 1915 г. на Восточный фронт: разбить русских, захватить максимальное количество территорий, заключить сепаратный мир с Россией и подчинить себе Балканский полуостров. Германское командование стало перебрасывать войска с Западного фронта, готовясь к удару против русских.

Чтобы сорвать наступление германцев, русское командование, закрепившись в Галиции, решило овладеть Восточной Пруссией, но вторично потерпело неудачу у Мазурских озер и окончательно вышло из пределов Восточной Пруссии. В Галиции русские войска взяли Перемышль. В плен было взято 9 австрийских генералов, 2½ тысячи офицеров и 120 тысяч солдат. После падения Перемышля русские армии еще настойчивее стали развивать наступление, стремясь через Карпаты проникнуть в Венгрию. Между тем немцы снимали с Западного фронта крупные войсковые соединения и перебрасывали их на Восток. Операция проводилась в строжайшем секрете. Даже австрийское верховное командование не знало о намерениях немцев. Австрийцам об этом было сообщено лишь в последний момент — когда немецкие войска уже готовились занимать исходные позиции.

Для нанесения русским сокрушительного удара немцами была сформирована особая 11-я армия, состоявшая из отборных войск, снятых с Западного фронта. Армия эта доотказа была насыщена артиллерией всех видов и другими огневыми средствами. Командовал армией генерал Макензен. Ему же были подчинены и австрийские армии, принимавшие участие в наступлении. Австро-Венгрия к этому времени уже утратила самостоятельное значение.

Германия в конце апреля закончила переброску резервов с Западного фронта и в начале мая бросила их на прорыв Юго-Западного фронта русских, в Галиции, между Вислой и Карпатами. Для отвлечения внимания от главного удара

немцами в апреле было проведено демонстративное наступление на Западном фронте у Ипра с применением впервые газовой атаки и активизированы военные действия на русском фронте со стороны Восточной Пруссии. Мощному тарану Макензена в Галиции противостояли разрозненные русские армии, слабо оснащенные военной техникой, без достаточного количества снарядов. Русские войска стремились прорваться через Карпаты в Венгрию. Эта навязчивая идея была внушена русскому верховному командованию любимцем царя, командующим Юго-Западным фронтом генералом Ивановым. А Иванов не отказался от этой идеи даже и тогда, когда Макензен уже развил энергичное наступление, когда немецкий таран обнаружил всю свою мощь. Вместо того чтобы вывести застигнутые врасплох армии из-под этого тарана, перегруппировать их и сосредоточить в надлежащем месте сильный кулак для контрудара, Иванов начал подбрасывать под колеса немецкой машины отдельные корпуса и дивизии, стремясь затормозить ее. Немецкая машина легко перемалывала отдельные корпуса и дивизии и безостановочно двигалась вперед. Юго-Западный фронт тянулся от Вислы до границы Румынии и не был настолько густо насыщен войсками, чтобы немцы в любой его точке в любой момент могли получить надлежащий отпор. В первый же день наступления при прорыве русского фронта у Горлицы десяти пехотным и двум кавалерийским дивизиям немцев противостояли всего четыре пехотные дивизии русских. Такое соотношение сил, и иногда и еще более выгодное для немцев, было и в дальнейшем. Некоторые командующие армиями настойчиво указывали командующему фронтом на необходимость немедленного отхода, отрыва от немецких наступающих армий, чтобы выиграть время, нужное для перегруппировки. На этом же настаивал и начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Драгомиров. Но Иванов и ставка верховного главнокомандующего ничего и никого слушать не хотели. Они требовали отпора немцам, проворонив в свое время организацию этого отпора. И опять бросались в немецкую мясорубку отдельные русские корпуса и дивизии. 3 июня немцы взяли обратно Перемышль, а 22 июня заняли Львов. К концу июня русские потеряли Галицию. За два месяца свелись к нулю все достигнутые в предыдущее время успехи на этом фронте. Обескровленные остатки армий, вытесненные из Галиции, уже не были способны к активным действиям. Потери русских были огромны — 500 тысяч только пленными. Потеряна была, конечно, и огромная материальная часть армий.

После отхода русских из Галиции немцы задались целью окружить русские армии, находившиеся в Польше. В Польше в это время было сосредоточено семь русских армий. Положение этих армий после очищения русскими Галиции стало критическим. В обход их левого фланга двинулась ударная группа Макензена в составе трех армий, а правый фланг со стороны Восточной Пруссии охватывали четыре армии генерала Гинденбурга. Готовилось полное окружение. Командующий Северо-Западным фронтом генерал Алексеев не растерялся. Он быстро понял шаблонный план немцев и сумел без больших потерь вывести все армии из польского мешка. Уклоняясь от охватывающих ударов немцев, последовательно меняя позиции, русские армии к концу сентября с боями отошли на линию Двинск—Ровно, где и закрепились на зимние позиции, приостановив дальнейшее продвижение немцев. Потеряны были вся Польша с ее столицей Варшавой и крепости Новогеоргиевск, Осовец, Ковно, Гродно и Брест-Литовск.

Поражение, нанесенное России в летнюю кампанию 1915 г., было чрезвычайно тяжелое. От этого поражения Россия уже не могла быстро оправиться при состоянии ее экономики. Русская армия с начала войны по конец операций 1915 г. потеряла почти все свои кадры. Выбыло из строя 3 400 тыс. человек, из них свыше 300 тыс. убитыми, 1 500 тыс. пленными и пропавшими без вести. Убыль офицеров составляла 45 тыс. человек. Если прибавить к этому огромные потери военного снаряжения, которым вообще была слабо оснащена русская армия, станут ясными последствия крушения в Галиции. Все же Россия из строя не выбыла. Русский театр военных действий в 1915 г. был главным театром военных действий в мировой войне. В начале войны русский фронт притягивал к себе 31 проц. объединенных сил противника, а к концу 1915 г. — уже свыше 50 процентов. Это обеспечило Франции и Англии длительную передышку для накопления сил к предстоящей окончательной развязке в мировой войне. В разгар галицийского наступления немцев русский верховный главнокомандующий два раза обращался к командующему англо-французскими войсками на Западном фронте генералу Жоффру с просьбой предпринять наступление, чтобы приостановить переброску германских войск с Запада на Восток. В телеграммах русского главнокомандующего указывалось, что количество германских пехотных и кавалерийских дивизий на русском фронте сильно возросло за счет переброски с Западного фронта. Союзники предприняли лишь небольшое

наступление демонстративного характера, которое не могло обмануть немцев.

В поражении русской армии, несомненно, имели огромное значение предательство и шпионаж на фронте. Германское командование было в курсе всех оперативных начинаний русского командования. Но это была только одна из побочных причин поражения. Основная причина крылась в другом — в общей отсталости страны. К царским генералам, сидевшим в военном совете, можно отнести слова генерала Драгомирова, сказанные по поводу чьей-то кандидатуры в военный совет: «В совете заседать может, советов подавать не может». Военное министерство полагало, что если на каждую винтовку заготовлено по 1 000 патронов, а на каждую пушку по 800 снарядов, то тем самым вопрос о подготовке к войне решен. Начальник главного артиллерийского управления даже сокрушался: заготовили припасов на целых 6 месяцев, а дальше — хоть спать ложись. Спать беспечному генералу, однако, не дали.

Русская армия, перешедшая в наступление, через месяц почувствовала, что значит иметь в качестве руководителей Сухомлинова и ему подобных генералов. «Соотношение между моральными и физическими элементами расценивается, как 3:1», — говорил еще Наполеон. Но самое прекрасное оружие в руках человека, лишенного мужества, теряет свою силу, точно так же, как быстро испаряется мужество солдат, если в руках у них вместо винтовки палка. Уже Крымская кампания (1854 г.) приподняла завесу над могуществом русского царизма: колосс оказался на глиняных ногах. Русская армия была вооружена кремневыми ружьями, в то время как иностранные армии владели более современным оружием. Даже в 1877 г. в войне с турками русская армия оказалась вооруженной гораздо хуже, чем самая отсталая в Европе страна — страна, которую сами же русские военные считали полуварварской. Русская армия была вооружена берданками, снабженными прицельной рамкой всего на 600 шагов. Легенду о военном могуществе царской России развеяла русско-японская война, когда небольшая сравнительно страна, совсем недавно выдвинувшаяся в ранг капиталистически развитых стран, в течение какого-нибудь года сумела нанести царской армии ряд сокрушительных поражений. В этом сказалась вековая отсталость страны.

«История старой России, — говорил товарищ Сталин, — состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки.

Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную»[1].

В империалистической войне 1914 г. союзники России, в первую очередь французские и английские империалисты, мало что сделали, чтобы перевооружить армию, снабдить ее новейшими орудиями истребления. Несмотря на колоссальные денежные затраты, русская армия осталась в техническом и военном отношении совершенно неподготовленной. Промышленная отсталость привела к тому, что армия оказалась без снарядов вскоре после начала войны и была отброшена от границ, терпя поражение за поражением.

Общая отсталость резко сказалась во всем. Царская армия представляла собой сколок всей системы. Точно так же, как в городе и деревне крепостник-помещик в союзе с буржуазией эксплоатировал огромные массы крестьян и рабочих, точно так же в армии офицерство, выходцы из той же господствующей группы, главным образом крепостников-помещиков, дворян, командовало миллионами крестьян, одетых в солдатские шинели. Русское офицерство представляло собой замкнутую касту, куда проникнуть было трудно не только выходцам из народа, но даже выходцам из буржуазных, а тем более мелкобуржуазных слоев.

Только когда развернулись широкие боевые действия, когда русская армия стала терять тысячами, десятками тысяч пленных и раненых строевых командиров, только после этого стали привлекать в состав офицерства новые элементы. В армию пришли дети чиновников, попов, мобилизовали известную часть студенчества и т. д. Дворянское офицерство встречало их презрением.

Многие командиры царской армии и по военному своему образованию отстали от требований современной эпохи. Бездарность, неграмотность, незнание военной техники, отсутствие военного опыта они заменяли муштрой. Мордобой в русской армии еще существовал накануне самой революции. Били не только за неуменье выполнять солдатские артикулы, били за не во-время отданную честь, за недружелюбный взгляд и т. д.

Все это никак не могло располагать солдат к войне. Без веры в дело, за которое они воюют, без доверия к своим

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 328, изд. 11.

командирам русская армия стала скоро терпеть поражение за поражением, которые являлись не только тактическими промахами, но и поражениями, определившими судьбу всей кампании. В армии началось дезертирство. Царская армия насчитывала многие сотни тысяч «самострелов». Бывали случаи, когда батальоны шли в атаку, а навстречу им в тыл возвращались группы солдат с перевязками. Они простреливали большой палец на правой руке, что освобождало по закону от пребывания на фронте, или наносили друг другу ранения в такие места, где не разрушалась кость.

Сельскохозяйственная отсталость России сказалась в нехватке продовольствия на фронте и в городах. Беспорядочные мобилизации крестьян привели к разрухе сельского хозяйства. Отсталый транспорт довершил расстройство страны. Транспорт не справлялся с перевозками. Узловые станции были забиты составами, а на фронте солдаты днями оставались без пищи. Вследствие расстройства железнодорожного транспорта разруха проникла во все области народного хозяйства.

Поражение русской армии на фронте очень скоро оказало влияние и на тыл. Появление сотен тысяч раненых, огромные потери, массы дезертиров, нехватка продовольствия, разруха показали народным массам войну в настоящем виде. Недовольство в народе стало быстро нарастать. В армии совершенно открыто обсуждали вопрос о том, что самодержавие не в состоянии справиться с войной. В ответ на это царизм прежде всего принялся за испытанные средства — за репрессии. На фронт отправляли рабочих промышленных предприятий. За стачки, выражение недовольства, за любой акт, направленный против правительства, немедленно высылали в действующую армию. 10 февраля 1915 г. был организован суд над большевистскими депутатами Государственной думы. Арестованы они были еще в начале войны, 3(16) ноября, в дачной местности Озерках, под Петроградом. Здесь, в уединенном доме пустынного района, собралось Всероссийское совещание большевиков, на котором присутствовали депутаты Государственной думы — большевистская «пятерка», представители Иваново-Вознесенска, Харькова, Риги, Петрограда. Представитель Кавказа — Алеша Джапаридзе добрался до столицы, но попал в руки полиции. Совещание успело заслушать доклады с мест, утвердило текст прокламации к народу и обсудило манифест ЦК большевиков. Подлые провокаторы выдали совещание, и полиция арестовала всех, кроме депутатов Государственной думы. На второй день была аресто-

вана «пятерка». Депутатов долго держали в тюрьме, выжидая удобного случая для начала процесса. Депутаты Государственной думы проявили исключительное мужество. Они сумели использовать трибуну суда, чтобы показать народу и всему мировому пролетариату, как должна вести себя революционная партия в условиях империалистической войны. Большевистские депутаты, не боясь тяжелых последствий своего выступления, смело провозгласили лозунги большевистской партии. Показания депутатов печатались во всех буржуазных газетах. Миллионы пролетариев и трудящихся нашей страны узнали, что большевистская партия не сломлена, узнали, чего она желает, за что борется, узнали, куда она ведет.

Вместе с самоотверженными депутатами большевистской фракции перед царским судом предстал Каменев, впоследствии расстрелянный Советской властью как враг народа. Он не являлся депутатом Государственной думы, но по поручению ЦК большевистской партии должен был помогать депутатам в их работе. На суде, пытаясь вымолить у царского правительства смягчение наказания, Каменев вел себя как презренный трус, как изменник. Он заявил, что не признает пораженческого лозунга. Тем самым он создавал впечатление, что большевистская партия не едина.

Царизм сослал депутатов на вечное поселение в Туруханский край, где томились товарищ Сталин и другие члены бюро ЦК — Яков Свердлов, Спандарян, Голощекин.

Ленин заклеймил позором предательское выступление Каменева, а о стойком поведении большевистских депутатов с гордостью писал:

«Факты говорят, что первые же месяцы после войны сознательный авангард рабочих России на деле сплотился вокруг Ц. К. и Ц. О. Как бы ни был неприятен тем или иным «фракциям» этот факт, — он неопровержим. Цитируемые в обвинительном акте слова: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции буржуазных правительств и партий всех стран» — эти слова, благодаря суду, разнесут и разнесли уже по России призыв к пролетарскому интернационализму, к пролетарской революции. Классовый лозунг авангарда рабочих России дошел теперь до самых широких масс благодаря суду»[1].

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 132—133.

Летом 1915 г. большевистская «пятерка» добралась до Туруханского края. В селе Монастырском собрались ссыльные большевики всего края. Приехал и товарищ Сталин.

Империалистическая война застала товарища Сталина в далекой ссылке. После последнего бегства из Нарымского края товарищ Сталин был арестован в 1913 г. и сослан в Туруханский край. Чтобы затруднить возможность бегства, полиция распорядилась выслать товарища Сталина на станок (поселок) севернее села Монастырского, где нет других ссыльных, и приставить для наблюдения двух стражников. В суровых условиях, оторванный долгими месяцами бездорожья и долгой зимы от населенных пунктов, лишенный даже жалкого пособия в несколько рублей, которое царизм выдавал ссыльным, товарищ Сталин написал две статьи по национальному вопросу: «Национальное движение в его развитии» и «Война и национальное движение». В письме из ссылки товарищ Сталин просил передать Ленину обе статьи и издать их вместе с брошюрой «Марксизм и национальный вопрос», написанной в 1913 году. Жандармы перехватили эти статьи. Они не были напечатаны. Работа над статьями свидетельствовала о непреклонной воле, несокрушимой настойчивости великого революционера, сумевшего в диких условиях ссылки работать над одним из важнейших вопросов политики большевиков.

В самом начале войны товарищ Сталин написал Ленину письмо:

«Мой привет Вам, дорогой Ильич, горячий-горячий привет!.. Читал я недавно статьи Кропоткина, — старый дурак, совсем из ума выжил. Читал также статейку Плеханова в «Речи»,—старая неисправимая болтунья-баба! Эхма... А ликвидаторы с их депутатами-агентами вольно-экономического общества? Бить их некому, черт меня дери! Неужели так и останутся они безнаказанными?! Обрадуйте нас и сообщите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по роже, да порядком, да без устали.

Если вздумаете написать, пишите по адресу: Тур[уханский] край (Енисейск[ой] губ[ернии]), село Монастырское Сурену Спандаряну.

Ваш К о б а (С т а л и н)

Тимофей [Спандарян] просит передать его к и с л ы й привет Гэду, Самба и Вандервельду на славных хе-хе, постах министров»[1].

---

[1] С т а л и н, Письмо В. И. Ленину, «Пролетарская революция» № 7 за 1936 г., стр. 167.

Тут кратко, как того требует эпистолярная форма, но крайне выразительно дана оценка всем течениям оборонческой мысли. С каким негодованием клеймит их позорное поведение и с какой страстностью рвется в бой орел, временно лишенный свободы!

Разделенные десятком тысяч километров, почти не имея связи друг с другом, Ленин и Сталин пришли к одной и той же оценке характера войны, к одним и тем же выводам, к одной и той же тактике. В этом сказалось теоретическое единство, выкованное в боях против врагов.

Узнав о приезде депутатов, товарищ Сталин прибыл на совещание в село Монастырское. На деле это было заседание русской части ЦК большевиков. В своем выступлении товарищ Сталин показал, какое значение имел суд для мобилизации масс. Сталин осудил предательское поведение Каменева. Выступление Сталина легло в основу резолюции, которая полностью совпала с тем, что писал Ленин в статье «Что доказал суд над РСДР фракцией?», полученной позже в ссылке.

Репрессии царизма имели и оборотную сторону. Тысячи мобилизованных рабочих, отправленных за нелегальную деятельность на фронт, внесли сознательность в стихийное недовольство солдат. В армии началась революционная пропаганда. Появились прокламации. Большевиков вылавливали. Военно-полевые суды расстреливали их. Но на место погибших появлялись новые борцы. Революционная пропаганда ширилась, захватывая новые полки. Полицейские меры не помогали. Командующий 11-й армией с тревогой писал командирам корпусов:

«Одних полицейских мер недостаточно. Казалось бы лучшим путем для борьбы с пропагандой было бы развитие в войсках сознательного отношения к происходящим событиям и особенно к настоящей войне.

Поручаю опытным ротным и батальонным, а также и полковым командирам вести с молодыми офицерами, а в подходящих случаях с нижними чинами, беседы по поводу значения настоящей войны»[1].

Командующий армией генерал Клембовский приложил к своему циркуляру несколько большевистских прокламаций, рекомендуя обратить при разъяснении особое внимание на строки, им лично подчеркнутые красным карандашом. Клембовский отметил как раз те строки, где говорилось о

---

[1] Военно-исторический архив, ф. штаба 17 арм. корпуса, д. 427,—051, л. 132—133.

превращении империалистической войны в войну гражданскую. Буквально припадок бешенства вызвали у генерала слова прокламации: «...необходимо в процессе революционной борьбы масс создать тот организационный центр, который в момент революции мог бы стать органом революционной власти».

Взбешенный генерал сбоку написал: «Осина плачет о них».

Большевики вели неустанную пропаганду. Они разоблачали правительство, пользовались всяким затруднением правительства для борьбы с царизмом и буржуазией. «Единственной политикой, — писал Ленин, — действительного, не словесного, разрыва «гражданского мира», признания классовой борьбы, является политика использования пролетариатом затруднений своего правительства и своей буржуазии для их низвержения»[1].

По указанию Центрального Комитета большевики шли в армию, чтобы вести там революционную работу. В армии работал Михаил Васильевич Фрунзе, старый большевик, приговоренный царизмом к смертной казни за борьбу против самодержавия. Казнь была заменена каторгой. В августе 1915 г. тов. Фрунзе бежал и скрылся в Иркутске, где пытался издавать газету. Выслеженный шпионами, Фрунзе бежал в Европейскую Россию и поступил на службу в земский союз. Под вымышленной фамилией Михайлова тов. Фрунзе создал подпольную большевистскую организацию в Минске, имевшую ответвления в 3-й и 10-й армиях Западного фронта.

Там же, на Западном фронте, служил Александр Федорович Мясников, старый большевик, мобилизованный царизмом на фронт и назначенный командиром учебной команды полка. Мясников создал подпольную организацию, пропустив через нее немало солдат, будущих унтерофицеров.

На фронт был мобилизован Андрей Александрович Жданов, служивший в одном из полков в Твери. Позже тов. Жданов был переброшен в Шадринск, на Урал. Тов. Жданов создал большевистскую ячейку в полку, завоевав солдат на сторону революции.

Самоотверженную работу вела большевистская партия во всех промышленных центрах, в гарнизонах больших и малых городов. В Киеве работал Л. М. Каганович. Арестованный полицией и высланный по этапу на родину, он бежал

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 172.

и вернулся в Киев, где снова развернул кипучую работу. Выслеженный шпионами, Л. М. Каганович перебрался в Екатеринослав. Работая на обувной фабрике, Л. М. Каганович создал нелегальный союз сапожников и входил в состав городского комитета большевиков.

В Самаре, на Трубочном заводе, под вымышленной фамилией Адамчик вел большую работу В. В. Куйбышев. Он пытался созвать поволжскую конференцию большевиков, чтобы объединить работу партии, но провокаторы выдали полиции организатора конференции, и Куйбышев был сослан в Сибирь.

В Царицыне борьбу против царизма возглавлял К. Е. Ворошилов. В городе не было организации большевиков, но имелось несколько членов партии. Тов. Ворошилов поставил себе задачей создать большевистский комитет, использовав для этого такие организации, как рабочий кооператив или рабочий хор. Во избежание ареста тов. Ворошилову пришлось скрыться в Петербург, где он продолжал революционную работу.

На Кавказе работал С. М. Киров, нашедший доступ в среду не только местных рабочих, но и трудящихся угнетенных наций.

Энергичную работу большевики вели в Москве. На крупнейших заводах были созданы большевистские комитеты. В апреле 1915 г. в Москву приехал тов. Молотов. Он поставил вопрос о созыве общемосковской конференции. Эта конференция была назначена на 7 июня, но накануне, 6 июня, полиция арестовала тов. Молотова. Он был выслан в Сибирь, но бежал и снова принялся за работу в Петрограде.

Нет ни одной страницы в истории нашей партии, которая не вызывала бы восторженного преклонения, уважения, которая не говорила бы об исключительной преданности членов великой большевистской партии делу социализма. Но среди этих страниц выделяется та, которая посвящена работе партии в подполье во время империалистической войны, ибо и условия самой работы, и общая обстановка были чрезвычайно трудны. За малейшее выступление, даже не носившее иногда политического характера, за призыв не принимать мяса с червями или покрытого плесенью хлеба уже грозил военный суд, а расправа была часто коротка: расстрел.

Сохранились тысячи воспоминаний большевиков, которые вели самоотверженную работу в армии. Они рассказывают, как велась пропагандистская работа на фронте, каковы были формы и методы работы.

«Во время империалистической войны, — вспоминает один из многочисленных участников революционной борьбы в армии, — я работал в Донбассе на руднике шахтером-забойщиком. В 1915 г., после стачки на этом руднике, мне пришлось скрыться, а в 1916 г. меня мобилизовали. В г. Рославле, где меня вместе с другими мобилизованными подготовляли к фронтовой жизни, я сошелся с несколькими московскими рабочими, и мы начали проводить осторожную агитацию среди солдат. Уже тогда можно было видеть, какое недовольство накапливалось в солдатской массе. Возмущались затяжкой войны, грубым обращением начальства, плохой пищей... Дело дошло до того, что во время одной из вспышек командир 9-го взвода и фельдфебель были избиты солдатами. Этому придали значение, как военному бунту, и всё наше 4-ое отделение было арестовано. По ходу следствия нам грозил расстрел, но этого не случилось. После безрезультатного следствия нас отправили на позиции» [1].

Вот другой рассказ:

«Наша братва — фронтовики, особенно рабочие, жадно ловили все слухи о забастовках. Солдаты собирались в кружки и вели длинные беседы. Обычно разговор начинался на темы о фронтовой жизни — кто и на каких позициях бывал, когда и где участвовал в боях и т. д. Затем разговор быстро переходил на основную политическую тему — зачем война, кому она на пользу, скоро ли ей конец, и беседа почти всегда кончалась обсуждением петербургских забастовок. Рабочие высказывались в том смысле, что надо, мол, итти на помощь бастующим» [2].

О работе во флоте писал моряк:

«В самый разгар империалистической войны матросы Балтийского флота создали первую подпольную большевистскую организацию. Почин принадлежал морякам броненосца «Император Александр II». Броненосец и до этого слыл в царском флоте кораблем-революционером: в июле 1906 г., во время злейшей реакции, он вместе с другими кораблями Балтфлота поднял знамя восстания против самодержавия... Осенью 1915 г. матрос Иван Сладков и его безвестные теперь друзья создали на «Александре II» большевистский коллектив. Коллектив через партийца Егорова (Орлова) установил связь с Петербургским комитетом партии. Партийная работа на броненосце была поставлена на-

---

[1] Материалы секретариата редакции «Истории гражданской войны».
[2] Там же.

столько хорошо, что вскоре же большевики-сладковцы сумели перебросить и на другие суда и создали партийные точки на всех крупных судах Балтфлота. Однако самого Сладкова, кипучего организатора, царская охранка изъяла с корабля в конце того же 1915 г.»[1].

По поводу суда над арестованными балтийцами большевики организовали ряд демонстраций, тем самым имея возможность привлечь внимание рабочих Петрограда и всей страны к героической деятельности партии в армии.

Самоотверженная, настойчивая работа большевиков дала свои результаты. Патриотический угар в армии стал проходить. Все чаще в армии происходили своеобразные забастовки — отказ солдат итти на фронт, —настолько дружные, что иногда приходилось направлять целые дивизии для подавления выступлений солдат. В условиях войны такие «забастовки» были близки к военному восстанию.

Ленин жил в это время в Швейцарии, в г. Берне, где происходили заседания редакции Центрального органа заграничных групп большевиков, откуда по всему миру просачивались большевистские идеи — идеи превращения империалистической войны в войну гражданскую. Ленин пользовался малейшим поводом для того, чтобы ускорить создание большевистских организаций во всех западноевропейских странах. Он вел переписку со всеми, кто высказал тот или иной протест против обороны отечества, против защиты буржуазного государства. Он вел переписку со всеми большевиками, которых судьба забросила в Скандинавию, во Францию, в Швейцарию. Некоторые из этих писем опубликованы, и они дают представление о той кипучей деятельности, которую развил вождь великой партии в борьбе за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Патриотический угар скоро стал ослабевать и в армиях воюющих стран.

В Германии в начале 1915 г. было создано по инициативе Клары Цеткин широкое массовое движение женщин за социализм. Кларе Цеткин удалось созвать международную конференцию. Это была первая международная конференция с начала войны. Она состоялась в феврале в г. Берне — там же, где жил Ленин. Руководителем конференции была немецкая делегация во главе с Кларой Цеткин. Остальные делегации были немногочисленны. Основное настроение делегатов конференции было пацифистским. Были даже шовинистки. Немецкая делегация не проявила достаточной

[1] Материалы секретариата редакции «Истории гражданской войны».

твердости. Она исходила из того соображения, что слишком резкая постановка вопроса оттолкнет колеблющихся. Единственно революционно твердую позицию заняла наша делегация, возглавляемая Н. К. Крупской и Инессой Арманд. Ленин написал делегации подробный конспект, как вести себя, как выступать, что делать. Так, под непосредственным руководством Владимира Ильича русская делегация пыталась повернуть первую женскую международную конференцию на правильный путь.

Позже, 17 апреля, в Берне же состоялась другая международная конференция — молодежи. С начала войны очень много социалистической молодежи покинуло свои страны— Германию, Францию, Италию, даже Англию. Многие из них собрались в Швейцарии. Перед конференцией Ленин устроил несколько докладов. Он приглашал к себе представителей молодежи ряда стран, подготовил ряд резолюций. Владимир Ильич пользовался малейшим поводом, который давал ему возможность познакомить западноевропейский пролетариат с деятельностью большевистской партии.

НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

Поражение русской армии вызвало резкие сдвиги внутри страны. Война принесла неисчислимые бедствия трудящимся, но одновременно она ускорила развитие капитализма. Для войны пришлось мобилизовать промышленность. Целый ряд отраслей промышленности был реорганизован, было ввезено огромное количество машин.

Капиталисты наживались на войне. В ряде отраслей начался бурный рост прибылей. За год буржуазия Петрограда увеличила свою прибыль втрое. Тем самым экономическое могущество русской буржуазии за время войны выросло во много раз.

Но рост политического влияния буржуазии явно отставал от усиления ее экономической мощи.

Правда, в целях облегчения мобилизации промышленности на войну царизм разрешил буржуазии организацию ряда обществ. Крупнейшими из них были Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Оба они возникли в самом начале войны, в июле—августе 1914 года. Оба работали главным образом на правительственных субсидиях. Деятельность их в начале заключалась в организации помощи раненым и больным. Эта работа почти целиком сосредоточилась в их руках. Скоро они взяли на себя заботу о миллионах беженцев, начали вести большую самостоя-

тельную работу по заготовкам необходимых им материалов. В своей работе обе организации неизменно получали поддержку буржуазии и капитализирующихся помещиков. В кассу этих организаций поступало немало пожертвований от крупнейших капиталистов и помещиков.

В августе 1915 г. обе организации образовали особый объединенный главный комитет по снабжению армии. Был создан «Объединенный комитет Всероссийского земского и городского союзов» («Земгор»). Деятельность «Земгора» ширилась. Кроме помощи раненым, больным, беженцам, «Земгор» взял на себя функции снабжения армии, борьбы с продовольственными затруднениями. При комитете «Земгора» было создано особое совещание по экономическим вопросам. «Земгор» для обслуживания нужд фронта привлекал преимущественно мелкую и кустарную промышленность.

Царское правительство вынуждено было терпеть деятельность «Земгора», даже придать ему функции и права полувоенной организации. Чиновники «Земгора» — в большинстве из буржуазных кругов: адвокаты, врачи, дети и родные промышленников и купцов—освобождались от военной службы. Им была присвоена полувоенная форма. В народе чиновников «Земгора», щеголявших в форме, презрительно называли «земгусарами». Практическая деятельность «Земгора» на оборону страны превратила его в организацию большого политического значения — инструмент буржуазной политики.

Другой важнейшей организацией буржуазии, созданной также в интересах доведения войны «до победного конца», были военно-промышленные комитеты, которые объединяли крупную и среднюю промышленность.

Съезд представителей торговли и промышленности, открывшийся 26 мая 1915 г. под впечатлением весеннего разгрома в Галиции, призвал «всю русскую промышленность и торговлю к объединению в дружной работе, по примеру наших союзников, для того, чтобы дать армии все необходимое и во-время».

Созданный за неделю до этого правительством «Особый комитет по надзору за распределением и выполнением военных заказов» под председательством военного министра был признан недостаточным. Съезд высказался за участие «широких кругов» в организации всей промышленности для успешной работы «на оборону».

Так появились военно-промышленные комитеты, сыгравшие крупную роль в привлечении буржуазии к участию в

оборонных мероприятиях и резко усилившие ее политическое значение. Вместе с «Земгором» военно-промышленные комитеты содействовали политической консолидации сил буржуазии и капиталистических помещиков.

Военно-промышленные комитеты были организациями крупного финансового капитала. Руководителями Центрального военно-промышленного комитета в Петрограде были А. И. Гучков и Коновалов; во главе местных военно-промышленных комитетов находились их единомышленники. Функции военно-промышленных комитетов были довольно широки. Они распределяли военные заказы по предприятиям и следили за выполнением их, приобретали и распределяли фабрично-заводское оборудование, необходимое предприятиям в связи с переходом на производство военных материалов. Военно-промышленные комитеты участвовали в распределении эвакуированного оборудования из военных зон, наконец, они защищали предпринимателей от... правительственных властей, не допуская их вмешательства в дела фабрик и заводов.

Буржуазия прежде всего использовала военно-промышленные комитеты для собственной наживы. Грызлись из-за правительственных заказов, грызлись из-за правительственных субсидий, авансов. Крупнейшие капиталисты откровенно злоупотребляли правительственными заказами. Авансы употреблялись не по назначению, заказы не выполнялись в срок. Военно-промышленные комитеты покрывали все эти злоупотребления.

Твердо укрепившись в военно-хозяйственной деятельности, взяв на себя задачу доведения войны до победного конца, буржуазия к осени 1915 г. решила прежде всего добиться более активной роли Государственной думы. Дума влачила жалкое существование. Правительство явно игнорировало «избранников народа». После январской сессии 1915 г. Дума не собиралась. Неизвестно было, когда ее соберут. Вернувшись в конце мая с Юго-Западного фронта, свидетель поражений русских армий в Галиции председатель Думы Родзянко собрал у себя совещание членов Государственной думы, на котором обсуждался вопрос о необходимости скорейшего ее созыва.

Буржуазная печать подняла широкую кампанию вокруг виновников поражения русских армий, вокруг правительства, которое не может обеспечить успеха в войне. Слово «измена» все чаще появляется на устах буржуазных политиков, в печати. В особенности подогрело атмосферу дело Мясоедова, полковника пограничных войск. Начальник по-

граничного с Германией района — Вержболово, — затем сотрудник военного министерства и один из приближенных к военному министру генералу Сухомлинову, Мясоедов был уличен в шпионаже в пользу Германии. Военный суд приговорил его к смертной казни, и Мясоедов был повешен. Правительство вынуждено было уволить Сухомлинова, а затем и предать его суду. Вместо него был назначен генерал Поливанов, пользовавшийся доверием буржуазии. Было заменено также несколько других министров. На 19 июля 1915 г. был назначен созыв Государственной думы.

На открывшейся 19 июля сессии Государственной думы буржуазная оппозиция открыто требовала участия во власти. «Патриотическая тревога» сменила «патриотический подъем» — так характеризовал настроение буржуазии в своей речи ее лидер П. Н. Милюков. На совещании представителей военно-промышленных комитетов в августе 1915 г. П. Рябушинский заявил: «Стране пора узнать, что мы бессильны что-либо сделать при существующем к нам отношении правительства, не стоящего на должной высоте... Сейчас у власти стоят люди, которые не в состоянии руководить сложным делом обороны». На этом же совещании было предложено требовать образования совета министров исключительно «из лиц, пользующихся общественным доверием». В этом духе была принята и резолюция. Тогда же в газете Рябушинского «Утро России» в Москве был опубликован предполагаемый состав «кабинета обороны». Председателем совета министров в нем фигурировал М. В. Родзянко, министром внутренних дел — А. И. Гучков, иностранных дел — П. Н. Милюков, финансов — А. И. Шингарев, путей сообщения — Н. А. Некрасов, торговли и промышленности — А. И. Коновалов, главноуправляющим земледелия и землеустройства — А. В. Кривошеин, военным министром — А. А. Поливанов, морским — Н. В. Савич, государственным контролером — И. Е. Ефремов, обер-прокурором св. синода — В. Н. Львов, министром юстиции — В. А. Маклаков, народного просвещения — П. Н. Игнатьев.

Состав предполагаемого «кабинета обороны» говорит сам за себя. Вместе с руководителями буржуазии, которые действительно позже, в 1917 г., вошли в состав буржуазно-помещичьего Временного правительства, в нем должны были участвовать и наиболее близкие к буржуазной оппозиции царские министры и сановники.

Через несколько дней после появления в газетах заметки с составом предполагаемого «кабинета обороны» Московская городская дума приняла резолюцию с требованием

создания правительства, «сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна». Подобную же резолюцию приняла и Петроградская городская дума. Различного рода общества принимали такого же характера резолюции.

Широко дискутировался вопрос о власти в среде думских фракций. «Патриотическая тревога», охватившая думцев, сблизила даже крайне правых националистов с кадетами. Шульгин, даже Пуришкевич поняли, что вопрос о победе в войне — это вопрос о правительстве. В правых кругах говорили, что кадеты как будто наиболее связаны с «главными силами» страны. Сближение между буржуазными партиями подвинулось так далеко, что уже 21 июля на сессии Государственной думы (в 1915 г.) председателем военно-морской комиссии был единодушно избран кадет Шингарев. Еще более сблизила оппозицию угроза роспуска Думы, нависшая над ней после июльской сессии. Думскую оппозицию укрепляло наличие единомышленников и в Государственном совете.

В дни июльской сессии начались переговоры о соглашении между некоторыми фракциями Государственной думы и Государственного совета об объединенных выступлениях. Сговором кадетов, октябристов и прогрессистов 6 августа 1915 г. было положено начало созданию так называемого «прогрессивного блока», как было прозвано политическое объединение буржуазно-помещичьих фракций в Государственной думе и Государственном совете. Программой блока была принята в основном думская программа кадетов с небольшими изменениями и дополнениями.

Из состава думских фракций и членов Государственного совета, пожелавших войти в «прогрессивный блок», была создана комиссия для выработки текста соглашения. 22 августа, после предварительного согласования выработанного текста, на фракциях было объявлено о заключении соглашения, об образовании так называемого «прогрессивного блока».

«Прогрессивный блок» сразу получил сочувствие и поддержку думских фракций трудовиков и меньшевиков. Программа блока сводилась к следующему:

1) Создание правительства, пользующегося «доверием страны».

2) Изменение управления в сторону усиления законности, обновление местной власти, сохранение «внутреннего мира», «устранение розни между национальностями и классами и, наконец, уменьшение роли военных властей» в во-

просах, не имеющих непосредственного отношения к военным операциям.

Как видно, программа более чем скромная. Основная ее цель — создать власть, которая нашла бы себе поддержку в стране и была бы способна довести войну до победного конца. Речь шла даже не об «ответственном» перед Государственной думой министерстве, а только о правительстве, назначаемом, как и раньше, царем, перед которым оно и ответственно. Высказано было лишь пожелание, чтобы это правительство пользовалось «доверием» страны, а под «страной» понимались буржуазные круги.

Русская буржуазия заговорила о необходимости принять участие в управлении страной. Она требовала от самодержавия потесниться, чтобы допустить к государственному пирогу и ее представителей. Но, добиваясь участия в правительстве, буржуазия и капиталистические помещики всячески избегали привлечения народных масс к борьбе с правительством. Напротив, буржуазия очень боялась революции.

«Кто смотрит на наше теперешнее положение, — говорил один из представителей буржуазии на съезде военно-промышленных комитетов, — тот должен себе сказать совершенно откровенно: в борьбе с нашим врагом теперь не время совершать внутренний переворот, нужно продвигаться к власти путем эволюционным, а не путем революционных переворотов...»

Родзянко, председатель Государственной думы, обобщил настроение всей буржуазии в таких словах: «Умеренные партии не только не желали революции, а просто боялись её».

Самодержавие встретило крайне скромное требование буржуазии о создании министерства доверия презрением. Императрица писала царю: «Никому не нужно их мнение. Пусть они лучше всего займутся вопросом о канализации».

На лепет о каких-то уступках царизм реагировал по формуле чеховского унтер-офицера Пришибеева — «тащить и не пущать». В ответ на скромное требование министерства доверия император Николай II приказал распустить на время Государственную думу. 3 сентября 1915 г. в 2 часа 51 минута открылось заседание Думы. Товарищ председателя Думы прочитал указ царя о роспуске Думы. Родзянко провозгласил «ура» в честь царя, и в 2 часа 53 минуты заседание было прекращено. В течение двух минут было покончено с сопротивлением буржуазии: ее представители, только что ворчавшие об уступках, безропотно кричали

«ура» в честь тех, кто с циничной развязностью полицейского выгонял депутатов Думы.

Осенний кризис 1915 г. вызвал отклики и среди мелкой буржуазии. Старая Россия была страной мелкобуржуазной. Это нашло свое отражение в бесконечном разнообразии мелкобуржуазных партий. Среди меньшевиков, например, насчитывалось несколько групп и группочек; в числе их была группа оборонцев, распадавшаяся на правых оборонцев, вроде Плеханова и Алексинского, полностью уничтоживших грань между собой и кадетами, и на оборонцев типа Потресова и Либера, которые пытались марксистской фразеологией прикрывать свое предательство. Они поддерживали организацию рабочих групп при военно-промышленных комитетах, стояли за гражданский мир с буржуазией.

Дальше шел центр, руководимый ОК, как назывался меньшевистский ЦК. Центр в свою очередь распадался на правый центр и на левый центр. Дальше шли так называемые меньшевики-интернационалисты, типичным представителем которых был Мартов; к ним чрезвычайно близко стоял Троцкий. Боясь занять открытую оборонческую позицию, они резко выступали против большевиков, звали к единству с оборонцами.

Такие же осколки групп имелись и среди эсеров. Одни из них, как Керенский и Авксентьев, стояли за оборону царской России. Авксентьев издавал в Париже журнал «Призыв» и поддерживал агрессивную политику царизма. С «Призывом» солидаризировался и Плеханов. Другие эсеры пытались занять межеумочные позиции. Называя себя интернационалистами, они на деле оставались в единой партии с оборонцами.

«Все эти «левые» народническо-эсеровские и меньшевистско-социал-демократические группы — от группы Чернова и максималистов до группы Мартова и Троцкого, — так характеризует редакция «Истории гражданской войны» все эти группы, — несмотря на их революционную фразеологию представляли по сути дела левое мелкобуржуазное крыло буржуазной демократии, стоявшей за сохранение и «улучшение» капитализма, ибо все они отрицали возможность победы социализма в России, выступали против социалистического преобразования России, поддерживали единство с оборонцами, стоявшими за империалистскую войну, выступали против большевистского лозунга о превращении войны империалистской в войну гражданскую, вели активную борьбу против большевистской политики, рассчитанной на поражение царского правительства в империалист-

ской войне, вели единым фронтом борьбу против партии Ленина, против большевистской партии»[1].

Свежий ветер приближавшейся революции всколыхнул, как осенние пожелтевшие листья, оторванные от масс мелкобуржуазные партии. Все они отозвались попытками оценить грядущую революцию. Написал статью Мартов, не отставал от него Потресов, опубликовали статьи почти все виднейшие оборонцы. Их основным мотивом было: самодержавие явно не справляется с задачами, на него возложенными, проигрывает войну. Выполнить эту задачу можно с помощью революции. Рассуждение это было явно кадетским: революция нужна для продолжения войны.

В это же время написал статью о революции и Плеханов. Он вспомнил буржуазную французскую революцию 1789 г. и сравнил ее с революцией 1848 г. Плеханов подчеркнул всем известный факт, что революция 1789 г. шла все время по восходящей линии: сначала у власти встала крупная буржуазия, потом ее сменила группа более революционная. В 1848 г. происходило наоборот: революция шла по нисходящей линии — от класса наиболее передового к классу наиболее реакционному. Констатировав этот факт, Плеханов закончил свою статью пожеланием русской революции итти по восходящей линии — и только. Никакого анализа движущих сил революции, ее характера.

«Г. Плеханов, — писал Ленин, — марксизм подменил вульгарным идеализмом, сводя дело к «стратегическим понятиям», а не к соотношению классов»[2].

Плеханов полностью остался на старых, меньшевистских позициях. Еще откровеннее занял эти позиции Потресов. Он писал: «...даже в наше время, являющееся предисловием к мировой социалистической истории, в общественно отсталой стране, в особенности же в такой исключительно отсталой, как Россия, к моменту буржуазной революции наиболее социально и психологически подготовленной для решения общенациональных задач оказывается все та же буржуазия.

Т.-е. еще все тот же класс, которому на ближайший, хотя бы и короткий, период истории... уготована роль хозяина-распорядителя...»[3]

Грядущая революция — буржуазная, и гегемоном ее по-прежнему остается буржуазия, — повторяли свою старую схему буржуазные агенты — меньшевики.

---

[1] История гражданской войны, т. I, Госполитиздат, 1938, стр. 20.
[2] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 315.
[3] Журнал «Дело» № 3—6, стр. 119, изд. 1917 г.

Выступил с «анализом» наступающей революции и Троцкий. Он вытащил свою разбитую жизнью контрреволюционную теорию перманентной революции. Повторяя свою предательскую схему, он писал, что в эпоху империализма вообще не может быть буржуазных революций. Предатель рабочего класса резко выступал против большевистского лозунга создания временного революционного правительства, противопоставляя ему авантюристский, насквозь антиреволюционный лозунг «без царя, а правительство — рабочее». Можно сказать, «годы прошли, лик земли изменился», а презренный предатель пытался склеить жалкие осколки разбитой «теории» и выдать за «новое» слово.

Ленин высмеял эти потуги, разоблачив истинное лицо матерого изменника.

Всем им отвечал Ленин в ряде своих статей, всем им Ленин показал, в чем классовые корни их позиций. Великий вождь большевистской партии дал глубокий анализ грядущей революции в статье «Несколько тезисов». Когда сейчас сравниваешь фактический ход событий, который имел место в февральской революции 1917 г., с тем, что было высказано Лениным в его известной статье «Несколько тезисов», поражаешься глубочайшей прозорливости великого вождя.

Характеризуя будущую революцию, Ленин говорит: «...Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Шаг вперед расслоения деревни на «хуторян-помещиков» и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых и К° над деревней. За необходимость *отдельной* организации сельских *пролетариев* мы стояли и стоим безусловно, во всех и всяких случаях» [1].

И, по Ленину, предстоящая революция по своему характеру — революция буржуазно-демократическая. Но за десять лет, прошедших от первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., многое изменилось. Глубже стало классовое расслоение в деревне, увеличился в силе пролетариат, империалистическая война обострила все противоречия в стране, обнажила их. Поэтому вторая буржуазно-демократическая революция отнюдь не будет повторением

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XVIII, стр. 312.

первой. «...Задача пролетариата России, — писал Ленин, — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, д а б ы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о р а з н ы х к л а с с а х, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелкобуржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран» [1].

Отличие второй революции от первой прежде всего в том, что историческое развитие подготовило ускорение перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую: «Эта вторая задача (т. е. социалистическая революция. — **И. М.**) теперь чрезвычайно приблизилась к первой...» [2] — подчеркивал Ленин.

Руководитель революции писал, что большевики войдут во временное революционное правительство, но только в том случае, если в нем не будет шовинистов.

Задолго до того, как эсеры и меньшевики встали у власти, Владимир Ильич предугадывал эту возможность и заранее говорил, что в такое правительство мы не пойдем. «...Революционерами-шовинистами, — разъяснял Ленин, — мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России...» [3]

Вот анализ, который дан был Владимиром Ильичем задолго до того, как развернулись фактические события. Только большевики шли навстречу революции, которую они сами самоотверженно готовили, со стройной, цельной, продуманной программой действий. В этой четкой программе, написанной в октябре 1915 г., предусмотрены были не только основное классовое соотношение сил, не только этапы, но и такие подробности, о которых принято говорить, что они составляют самую картину.

Следя за ходом войны, Ленин предугадал возможность сепаратного мира между Россией и Германией.

«Возможно, — писал Ленин, — что сепаратный мир Германии с Россией все-таки з а к л ю ч е н». И дальше Ленин вкладывает в уста Николая II следующее рассуждение: «...если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе,

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XVIII, стр. 312.
[2] Т а м ж е.
[3] Т а м ж е.

о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицера которой теперь больше из вчерашних гимназистов...» [1]

Здесь предсказана не только одна из причин, ускоряющих взрыв, но и персональный состав возможного правительства. Конкретный ход истории подтвердил предсказание.

Крутой перелом, вызванный империалистической войной, поставил человечество и партию большевиков перед новой конкретной обстановкой, перед новой ситуацией. И Ленин не побоялся пересмотреть и отбросить те положения марксизма, которые устарели в свете новых условий. К числу таких положений относился вопрос о победе социализма в одной стране. Как известно, марксисты считали невозможной победу социализма в одной, отдельно взятой стране. И это было правильно в условиях восходящего развития капитализма.

В годы войны на основании глубочайшего изучения империализма Ленин пришел к выводу, что в силу неравномерного развития капитализма, принявшего особый, скачкообразный характер в эпоху империализма, социализм не может победить одновременно во всех странах, что возможна победа социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране. Эта новая, законченная теория социалистической революции развертывала революционную перспективу перед пролетариями отдельных стран, развязывала их инициативу в борьбе за свержение своей национальной буржуазии.

Революционная ситуация, созданная империалистической войной, осенью 1915 г., однако, не превратилась в революцию. Понадобилось еще более года тяжелой, изнурительной войны и самоотверженной работы большевиков, чтобы революция стала фактом.

На Западном фронте в феврале 1916 г. Германия предприняла решительное наступление против Вердена, чтобы под стенами крепости перемолоть и сломить французскую армию. В мае 1916 г. австро-венгерские войска, подкрепленные германской помощью, нанесли сокрушительное поражение итальянцам, открыв себе дорогу в долины Северной Италии. Разбитая Италия взмолила о помощи. Англо-фран-

---

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 380—381.

цузское командование в свою очередь требовало от России, чтобы она перешла в наступление против Германии. Русские войска предприняли удар на Северном и Юго-Западном фронтах. Особенно успешным оказался второй удар, организованный выдающимся военачальником генералом Брусиловым. В июне армия Брусилова прорвала восточнее Луцка австро-венгерский фронт. В два дня была создана брешь почти в 50 км, все расширявшаяся. Австро-венгерская армия была разбита. Русские войска на Юго-Западном фронте с июня по сентябрь взяли в плен около 500 тыс. солдат и захватили большую часть Галиции.

«Это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте» [1], — так признавал Людендорф.

Если бы натиск Брусилова был поддержан другими фронтами, то Германия потерпела бы поражение уже в 1916 году.

Но царское правительство не сумело, да и многие его деятели едва ли хотели превратить возможность победы в действительность: не получив поддержки, Брусилов сам не мог до конца использовать открывшиеся перед ним возможности. Но Брусилов заставил немцев прекратить наступление на Западном фронте, расстроил планы Германии, облегчил положение англичан и французов на Западном фронте.

Германия вынуждена была напрячь все силы, чтобы справиться с кризисом на Восточном фронте. Во главе армии был поставлен генерал Гинденбург, начальником его штаба был назначен генерал Людендорф — наиболее крайние представители германского милитаризма. Прекратив натиск на Верден, Гинденбург поставил своей задачей приостановить движение Брусилова. Германская армия раздавила сопротивление Румынии, которая в это время вступила в войну на стороне Антанты, и приостановила наступление Брусилова на Юго-Западном фронте. Большие победы, достигнутые русской армией в галицийском сражении, не дали тех результатов, какие можно было получить, если бы удар Брусилова был поддержан всеми фронтами. К тому же России пришлось значительную часть своих сил на Юго-Западном фронте отдать на защиту разбитой Румынии. Брусиловский удар был последним крупным наступлением царской армии. Больше старая Россия уже не могла пред-

[1] Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. I, стр. 182.

принимать крупных операций. К этому времени полностью сказались и гибельные последствия разрухи.

К зиме 1916 г. усилилась разруха во всех областях народного хозяйства. Надвинулся голод. На фронте широкой волной развернулось братание. Генералы жаловались, что солдаты на ряде участков, особенно близких к Петрограду, на Северном и Западном фронтах, распропагандированы большевиками. Армия насчитывала более полутора миллиона дезертиров.

Царская Россия воевала не на свои деньги. Во время войны царизм получил около 8 млрд. руб. займов. Эти колоссальные займы усилили полуколониальную зависимость царизма и русского капитализма.

Резко обострились национальные противоречия. В Средней Азии вспыхнуло восстание киргизов, узбеков, туркменов. Поводом к восстанию послужила попытка царизма мобилизовать угнетенные национальности на тыловые работы. Восстание охватило огромную территорию. На подавление восстания пришлось двинуть целую армию, во главе которой стал генерал Куропаткин, главнокомандующий армиями во время русско-японской войны. Тысячи повстанцев были замучены и повешены без суда. Десятки кишлаков были разорены, а земли трудящихся розданы офицерам и кулакам.

В стране усиливалось революционное движение народных масс против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах.

Забастовочная волна в стране поднялась на огромную высоту: в октябре 1916 г. бастовало около 200 тыс. рабочих — втрое больше, чем в предыдущий месяц. Явно надвигалась революция.

Как только для всех буржуазных групп и партий стало ясно, что в дверь стучится революция, начались попытки предупредить ее. Царизм опирался на придворную клику, в которой одним из крупнейших действующих лиц был Распутин. Буржуазная литература выпятила эту фигуру, для того чтобы скрыть, что весь режим насквозь прогнил. Крепостнические круги подготовляли целый ряд мероприятий, которые в основном сводились к следующему: роспуск всех буржуазных организаций, роспуск Государственной думы, передача власти в руки военного диктатора, которым может быть кто-нибудь из членов царствующей семьи или из царских генералов. Чтобы развязать себе руки в борьбе с грядущей революцией, царизм стал осторожно готовить сепаратный мир.

В этом вопросе самодержавие проявило бо́льшую дальновидность, чем его ближайший союзник — буржуазия. Очутившись перед выбором — либо продолжать войну и столкнуться с революцией, либо заключить мир и вступить в конфликт с буржуазией, — царизм выбрал второе. Царизм правильно полагал, что с буржуазией он сможет сговориться, а с массами сговориться не удастся.

По вопросу о борьбе за сепаратный мир имеется колоссальная литература. За последние годы прибавились материалы немецких и австрийских архивов, на основании которых мы смело можем утверждать, что буквально накануне февральского взрыва все было подготовлено для заключения сепаратного мира между Австрией и Россией в первую очередь и, возможно, между Россией и Германией — во вторую очередь. Таков был заговор крепостнических кругов.

Прекращение войны грозило буржуазии прежде всего ударом по карману. Приостанавливался поток прибыли, который шел в течение войны в карманы предпринимателей. Поэтому среди буржуазных кругов в свою очередь созрел заговор, основной задачей которого было предупредить революцию сменой господствующей династии. Предполагалось где-нибудь на пути между ставкой, которая находилась в г. Могилеве, и Петроградом захватить царский поезд, принудить царя отречься от престола в пользу малолетнего сына, а в качестве регента поставить великого князя Михаила. Поскольку один — ребенок, а другого считали дураком, то можно будет управлять так, как это выгодно для буржуазии.

Оба эти заговора созрели настолько, что и тот и другой близки были к осуществлению в начале 1917 года.

ВОССТАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ

Пока, однако, шла возня наверху между этими обеими группами за то, кто кого опередит в борьбе против революции, на улицу выступили массы. Стачечная волна, которая со второй половины 1916 г. непрерывно нарастала, весной 1917 г. приняла чрезвычайно бурный характер. По донесениям набившей себе руку в оценке революционных событий охранки, возможно, и преувеличенным, деревня в начале 1917 г. дышала 1905 годом.

Воздух был настолько насыщен революционным настроением, что достаточно было небольшой вспышки, чтобы превратить весь этот конфликт в революционный

взрыв. Так оно и случилось. Забастовал на Путиловском заводе в февральские дни (18 февраля) один цех. Забастовка быстро перекинулась на другие цехи. Дирекция завода пригрозила рабочим закрыть завод, а их отправить к воинскому начальнику для посылки на фронт. 22 февраля завод действительно оказался закрытым. Когда тысячные толпы рабочих подошли к воротам Путиловского завода, на воротах висело краткое объявление от дирекции, извещавшее о закрытии завода и расчете всех рабочих. Рабочие всей массой двинулись в центр Петрограда. Дело было 23 февраля (8 марта) в международный женский день. У лавок, продовольственных главным образом, скопились огромные очереди, в которых больше всего стояли женщины — жены рабочих, дети рабочих, работницы, свободные от работы. Когда путиловцы стали проходить по улицам Петрограда, из продовольственных очередей к ним стали присоединяться тысячные толпы. К вечеру 23 февраля в Петрограде в демонстрации, начатой по призыву Петроградского комитета большевиков, по подсчетам охранки, принимало участие около 90 тыс. человек. Политическая стачка начала перерастать в общую политическую демонстрацию против царского строя.

24 февраля демонстрации развернулись с раннего утра. Шли они с разных сторон рабочих окраин, чтобы пробиться к центру. По подсчетам правительства, демонстрантов 24 февраля было уже около 200 тыс. человек. Среди плакатов, которые несли с собой демонстранты, преобладали плакаты: «Хлеба!», «Долой царя!», «Долой войну!».

25-го утром стены домов и заборы в Петрограде оказались буквально заклеенными мелкими листочками за подписью главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Хабалова. Он приказывал рабочим приступить к работе со вторника 28-го числа. Неявившиеся во вторник 28-го числа на работу получат расчет и будут немедленно отправлены на фронт. Вечером Хабалов получил приказ от Николая II, который находился в это время в Могилеве, в ставке: прекратить все беспорядки завтра же. Хабалову было обещано, что с Северного и Западного фронтов на помощь полиции и войскам, расположенным в Петрограде, будет прислано по одной бригаде конницы и артиллерийские части.

Хабалов созвал совещание, на котором присутствовали и представители охранки. Там были разработаны подробные мероприятия для ликвидации выступлений, а охранке было дано задание изъять всех «подозрительных». Поздно вече-

ром рабочие окраины Питера были оцеплены полицейскими и жандармскими отрядами. В некоторых районах происходили повальные обыски, жандармы ходили из квартиры в квартиру. Было арестовано несколько сот человек и среди них пять членов Петроградского комитета большевистской партии.

От Петроградского комитета руководство перешло в руки Выборгского комитета, который в ту же ночь провел заседание и постановил продолжать развивать стачечное движение, связаться с войсками, которых в Питере имелось к этому времени около двухсот тысяч человек.

26-го был праздничный день, воскресенье. День начался как будто спокойно. Рабочие вышли на улицу, некоторые в праздничных одеждах. Обманчивый вид улицы позволил Хабалову телеграфировать в ставку, что в столице все благополучно. К обеду, однако, положение резко изменилось. К этому времени сказалась та работа, которая была проведена в течение ночи и утра большевиками. К обеду стали формироваться демонстрации, которые снова потянулись бесконечной лентой из окраин в центр через мосты. Так как утром все казалось спокойным, то Хабалов забыл развести некоторые мосты. Демонстранты прорвались в город. Рабочие разоружали полицию и жандармерию и вооружались сами. Против рабочих была брошена полиция.

В разгоне демонстрации принимали участие и войска. На одной Знаменской площади было убито и ранено около 40 рабочих. Но к вечеру демонстрантов удалось вытеснить из центральных районов. Хабалов телеграфировал в ставку, что демонстрацию удалось подавить.

26 февраля четвертая рота Павловского резервного гвардейского полка открыла огонь по отрядам конных городовых, участвовавших в расстреле демонстрантов на Знаменской площади. Рота была окружена к вечеру (роты тогда были запасные, по 1 000—1 500 человек); солдат заставили сдать оружие, 19 человек «зачинщиков» арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Им грозил расстрел.

Бюро ЦК партии большевиков во главе с тов. Молотовым, находившееся в Петрограде, осуществляло руководство практической работой партии. Бюро ЦК выпустило 26 февраля манифест с призывом к продолжению вооруженной борьбы против царизма, к созданию Временного революционного правительства.

Поздним вечером собрался Выборгский комитет подводить итоги дня. Были представители различных районов. На совещании было постановлено: так как среди воинских ча-

стей наблюдаются некоторые колебания, усилить работу среди солдат, проникнуть в казармы, не считаясь ни с какими трудностями. Ряд большевиков в ночь с 26-го на 27-е сумел проникнуть в казармы полков. Группа большевиков проникла в Волынский полк, в настроениях которого намечались колебания за день до этого.

В учебной команде Волынского полка удалось связаться с унтер-офицером Кирпичниковым и с рядом людей, мобилизованных в Путиловском районе и еще не потерявших связи с рабочими, а через них — и с большевиками. Поздно ночью в углу казармы состоялось совещание, на котором присутствовало десятка полтора солдат, в частности унтер-офицер Кирпичников. Решено было на утро провести пассивное сопротивление приказам начальства, т. е. отказаться от стрельбы по демонстрантам. Утром 27-го, когда в роту явился командир и скомандовал обычное приветствие, в ответ вместо «здравия желаем» раздалось «ура». Командир повторил свое приветствие. Повторили свой ответ и солдаты.

На вопрос командира, схватившегося за револьвер, что это означает, один из участников, унтер-офицер Марков, ответил:

— Это означает, что мы не желаем подчиняться вашему приказу.

Офицер выскочил на улицу в сопровождении своего помощника. Солдаты пристрелили этих офицеров. Восставшие немедленно схватили винтовки и выбежали во двор. Солдат было около 350 человек. Таким образом, пассивное сопротивление, которое должно было выразиться в отказе выполнять приказание, превратилось в активное выступление солдат с оружием. Столько было накоплено революционной энергии в массах, столько ненависти скрывалось внутри солдатских масс, что вскоре весь полк вспыхнул, как вспыхивает сухая солома от спички.

Арестовав офицеров, Волынский полк вышел на улицу и сразу двинулся к Выборгскому району. В этом движении, казалось бы, стихийно вспыхнувшего восстания сразу чувствуется руководящая роль и деятельность большевиков. Тот факт, что тысячи солдат, выскочивших из казарм Волынского полка, двинулись именно к Выборгскому району, говорит о том, что большевики умело направили восстание солдат на соединение с рабочими выступлениями. Соединение произошло у Троицкого моста. С одной стороны подошли рабочие Выборгского района, с другой — восставшие волынцы, которые по дороге повели за собой многих солдат

других полков. Стоявшую у моста цепь жандармов смяли. Движение распространялось по городу с невиданной быстротой. Часам к десяти был захвачен арсенал. В течение одного часа разобрали 40 тыс. винтовок. Повстанцы, разбившись на группы, двинулись как раз в те районы, где ожидалось больше всего сопротивление городовых и жандармов. Они захватили Литовский замок, где, по предположению, было много оружия и где находились политические заключенные. Искали там членов Петроградского комитета большевистской партии. Толпы вооруженных людей шли к Мариинскому дворцу, где заседал совет министров. Заседание тянулось бесконечно долго. Вздрагивая от каждого выстрела, министры не знали, что предпринять. Не имея связи с фронтом, не зная, что творится в городе, министры решили опубликовать манифест от имени правительства с угрозами против бастовавших. Но опубликовать этот манифест уже не удалось, потому что правительственная типография оказалась захваченной восставшими рабочими.

Вдруг кто-то из офицеров доложил, что угрожающая толпа движется к Мариинскому дворцу. Зимний день кончается рано. Кто-то из министров предложил потушить свет во дворце, чтобы обмануть бдительность подходивших солдат. Потушили свет. Прошло несколько минут. Все тихо. Вновь открыли свет и к удивлению увидели некоторых министров в крайне неудобной позе: они находились под столом.

Царские власти наспех сколотили ударный отряд — до 2 тыс. солдат и бросили его против восставших. Через час после ухода отряда было получено сообщение, что отряд перешел на сторону восставших солдат.

Часть восставших солдат двинулась к Таврическому дворцу, где находилась Государственная дума. В Думе в это время шло заседание совета старейшин, представителей отдельных фракций. Родзянко доложил, что поздно ночью на его имя прибыл подписанный царем указ о роспуске Государственной думы. Как поступить: принять ли этот указ, подчиниться и разойтись? Но уже слышны были выстрелы приближающейся толпы, город уже фактически захвачен восставшими. Это означало отдать власть в руки восставших. Не подчиниться указу значило вступить в конфликт с царем, а на это итти не хотели. Совет старейшин нашел крайне любопытную форму разрешения этого противоречия. Было решено указу подчиниться и Государственную думу, как учреждение, распустить, но членам Государственной думы не расходиться, а собраться на частное заседание и принимать решения не от имени Думы. Собра-

лись не в обычном месте, где шли всегда заседания, а в так называемом полуциркульном зале, чтобы подчеркнуть неофициальный характер совещания. Собралось свыше 200 человек — большая часть Думы. Представители отдельных групп и партий стали вносить свои рецепты приостановки революции. Предлагали передать всю власть в руки какого-нибудь генерала. Внесшему предложение разъяснили не принципиальное нежелание передать власть в руки военного генерала, а техническую невозможность этого: все генералы спрятались, нигде их не найти.

В самый разгар прений вбежал начальник караула, охранявшего Таврический дворец, с просьбой защитить его от толпы, которая занимает уже двор и подымается по лестнице. В наступившей тишине слышен был топот толпы. Наспех было решено организовать Временный комитет Государственной думы, которому поручить отнюдь не организацию власти, а лишь сохранение порядка в столице.

К этому же времени в левом крыле Таврического дворца к 7 часам вечера стали собираться члены Совета рабочих депутатов, избранные рабочими на заводах. Оказалось, что меньшевики, не принимавшие участия в восстании, торопились воспользоваться его плодами: они хотели создать Совет под своим руководством. В Таврический дворец поздно ночью прибыл и член бюро Центрального комитета большевиков тов. Молотов. Весь день он был занят на улицах, руководя баррикадной борьбой. Узнав, что во дворце уже появились рабочие депутаты, тов. Молотов вызвал несколько солдат-большевиков и предложил срочно объехать полки: пусть солдаты выбирают депутатов в Совет. На другой день, 28-го, состоялся пленум Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовало несколько сот человек. Так в Петрограде, в отличие от революции 1905 г., образовался Совет рабочих и солдатских депутатов. Это обстоятельство, в котором нашел свое выражение союз рабочих и крестьян, одетых по случаю войны в солдатские шинели, облегчило большевикам завоевание на свою сторону армии. Солдаты, от которых еще пахло порохом, у которых глаза горели от вчерашнего успеха, стали требовать закрепления этого успеха. Солдаты предложили издать такой приказ, который избавил бы их от подчинения ненавистным офицерам и командирам. Была избрана комиссия во главе с одним из членов Совета — Соколовым, которая в ближайшей комнате за стенкой стала разрабатывать приказ № 1. Вокруг комиссии сгруппировалась толпа в несколько десятков человек.

Таким образом, так называемый приказ № 1, который был опубликован на другой день, отнюдь не является творчеством одного лица. Это было творчество коллектива. Десятки людей принимали в нем участие. Мы знаем, что в числе пунктов, выдвинутых приказом № 1, был и пункт, не только требовавший организации комитетов солдатских депутатов во всех войсках, но и пункт о выборности офицерского состава. И только поздно ночью, когда набирался приказ, меньшевики собственной властью, как теперь выясняется, приказали изъять из приказа пункт о выборности. Но солдатам, разрабатывавшим приказ № 1, этого не сказали. Поэтому участники совещания успели в ряде полков произвести выборы офицеров. Старые офицеры были арестованы, прогнаны. На их место были избраны новые. Когда появился в печати приказ № 1, то в тех полках, где произошли перевыборы, с ним не пожелали считаться. Позже был заключен компромисс между Советом и буржуазным правительством: в полках, произведших выборы командного состава, новые командиры остались на постах, как этого хотели солдаты.

Единственная попытка оказать сопротивление бурно развертывающейся революции произошла в ставке. Николай II, послав телеграмму о том, что он выезжает в Петроград, отдал приказ гвардии выступить из Новгорода, а сам, быстро составив карательный отряд и поставив во главе его генерала Иванова, направил отряд в Петроград. Отряд добрался только до станции Дно. Дальше путь оказался разобранным, и генерал вынужден был часть отряда распустить и с остатками вернуться обратно.

1 марта поздно вечером членам Временного комитета Государственной думы стало ясно, какой оборот приняла революция. Милюков и Родзянко решили пригласить к себе представителей Совета. На приглашение ответили и явились следующие 5 человек: меньшевики Чхеидзе, Соколов, Суханов, Стеклов (последний, так же как и Соколов, потом перешел в партию большевиков) и эсер Филипповский. Сошлись в правом крыле Таврического дворца. Комитет Государственной думы встретил их крайне встревоженный. Милюков и Родзянко стали жаловаться, что в городе хаос, что такое же безвластие наблюдается в Москве и в ряде других городов, что анархизм морем разливается по всей стране. Они нарочито сгущали краски, чтобы можно было больше запросить.

К удивлению Милюкова и Родзянко, со стороны делегации Петроградского совета возражений не последовало.

Милюков сразу понял, что в этом лагере, видимо, так же боятся разворота событий, как и в правом лагере. Он сразу успокоился и взял в руки инициативу. Милюков стал диктовать условия делегации: прежде всего сохранение монархии — отказ Николая II от престола в пользу сына при регентстве Михаила. Эсеро-меньшевики согласились на все условия, предложенные буржуазией, за исключением вопроса о монархии: соглашатели знали, что победивший народ обратит свое оружие против тех, кто открыто предложит монархию. Поэтому в резолюции было компромиссно заявлено, что вопрос о форме власти откладывается до Учредительного собрания. На совместном совещании решено было создать Временное правительство. Этому Временному буржуазному правительству Петроградский совет, руководство которого находилось в руках эсеров и меньшевиков, должен оказывать полную поддержку.

Рано утром 2 марта делегация от Совета принесла свою декларацию, в которую Милюков внес несколько поправок. В свою очередь делегация внесла несколько поправок в объявление Временного правительства. Оба документа в тот же день и были расклеены по городу. Так образовалось, крайне редкое в истории, двоевластие: власть находилась и в руках Временного правительства и в руках Совета рабочих и солдатских депутатов.

Пока происходили эти переговоры, два представителя Государственной думы — Гучков и Шульгин — мчались к Николаю II в Псков. Их задачей было выполнить тот план, который был намечен задолго до революции, т. е. отказ от власти в пользу сына при регентстве брата. Пока они домчались до Пскова, Николай успел переговорить со всеми командующими фронтами, которые уверили его, что спасение может быть только в отказе от власти. Николай решил отказаться и за себя и за сына. Когда Гучков с Шульгиным приехали, они получили готовый манифест, с которым и помчались обратно в Петроград.

За время их отсутствия произошло следующее. Милюков выступил в Таврическом дворце перед огромной толпой солдат и рабочих, где, между прочим, заявил, что стоит за сохранение монархии. В ответ раздались бурные протесты. Начались новые демонстрации с протестом против сохранения самодержавия. Временное правительство наспех решает снять совсем вопрос о форме власти, но не успело предупредить Гучкова и Шульгина. Те, приехав на вокзал, узнали, что в железнодорожных мастерских происходит большой митинг. Гучков забрался на трибуну и с трибуны

рассказал о том, что у него имеется манифест царя об отречении в пользу своего брата. Рабочие бурно протестовали. Гучкова хотели арестовать. Он успел манифест передать в руки Шульгина, который передал его другому, случайно подоспевшему на помощь представителю буржуазии. Только так им удалось спасти манифест. Таково было отношение рабочих и солдат к попыткам буржуазии спасти монархию.

Победа революционного восстания в Петрограде была поддержана революционным переворотом по всей стране. В Москве, Киеве, на Урале — повсюду была свергнута царская власть. В одних городах быстрее, в других с некоторым запозданием, — в зависимости от наличия пролетарских сил, воинских частей, большей остроты национального вопроса и т. п., — вторая буржуазно-демократическая революция победила везде в России. Царская власть настолько прогнила, что ее представители нигде не оказали сопротивления натиску народных масс. Даже в армии переворот произошел без затруднений. К власти пришли повсюду буржуазия и капиталистические помещики.

Чем объяснить, что революцию совершили рабочие и солдаты, а власть досталась буржуазии и капиталистическим помещикам?

Буржуазия оказалась более организованной. Царизм, громя пролетарские партии и организации, не трогал буржуазные. С помощью Земгорсоюза, военно-промышленных комитетов буржуазия получила возможность политически организоваться.

Пролетариат оказался, в силу диких репрессий царизма, менее организованным. За время войны изменился и его состав. Наиболее политически зрелая часть его либо погибла на войне, либо была рассеяна по всем фронтам. Взамен пришли новые люди из деревни. Нужно было время, чтобы воспитать их.

Огромное значение имело то обстоятельство, что миллионы людей, политически спавшие до революции, сразу втянулись в политику. Эта миллионная масса, мелкобуржуазная по классовому происхождению, захлестнула на время определенные слои пролетариата. Все это определило временное преобладание в Советах меньшевиков и эсеров.

Получив сведения о революции, товарищ Сталин, член Центрального Комитета партии большевиков, не отдыхая ни одного дня после тяжелых лишений в ссылке, немедленно выехал в Петроград. 12 марта он прибыл в Петроград и стал редактором «Правды». Товарищ Сталин

руководит деятельностью ЦК и Петроградского комитета большевиков. Через день после приезда, 14 марта, появилась его первая статья «О советах рабочих и солдатских депутатов», в которой товарищ Сталин дал анализ происшедшей революции и указал ближайшие перспективы борьбы. Еще через день появилась статья «О войне», в которой товарищ Сталин дал анализ отношения большевиков к войне.

Известие о февральской революции застало Владимира Ильича в Цюрихе, куда он перебрался в связи с работой над своей книгой «Об империализме». В Берне трудно было получить необходимую литературу. Жил он на квартире у сапожника в крайне неудобной обстановке, в одной сырой комнатке, и не покидал этой комнаты только потому, что сапожник и его жена были настроены интернационалистски.

Каждое утро Ленин уходил гулять к озеру, оттуда прямо в библиотеку, где и сидел до позднего вечера. В день получения известия о революции Ильич, как обычно, собирался на свою прогулку к озеру. Вдруг один из товарищей по эмиграции сообщил Ленину о том, что получено известие о перевороте в России. Они подошли к навесу, где вывешивались газеты, прочитали первую телеграмму. Подробная телеграмма была получена вечером 27-го.

Ленин на завтра же, 28 февраля, пишет свое первое письмо, в котором дает оценку событиям.

Владимир Ильич рвался в Россию. Но как быть? Было ясно, что ни Франция, ни Англия не пропустят Ленина. Он предполагал лететь на аэроплане. Ленин собирался проехать по чужому паспорту, даже нейтрального какого-нибудь гражданина, предполагалось — шведа. Так как он языка не знал, то думал притвориться немым, но Надежда Константиновна, смеясь, говорила: приснятся меньшевики или кадеты, начнет ругаться и выдаст себя.

Оставалась одна возможность. В начале марта по инициативе Мартова состоялось совещание эмигрантов, на котором меньшевик Мартов предложил обменять немецких военнопленных в России на эмигрантов. С помощью швейцарца удалось договориться с правительством Германии и получить разрешение на проезд через Германию.

Вождь революции, десять лет томившийся в эмиграции, выехал в Россию.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

1912 г. 4 (17) апреля — Ленский расстрел.
1912 г. 22 апреля (5 мая по нов. ст.) — Выход первого номера «Правды».
1912—1917 гг. — IV Государственная дума.
1912—1913 гг. — Балканские войны.
1912—1914 гг. — Революционный подъем в России.
1914 г. Август — Начало первой мировой войны.
1916 г. Конец мая — Брусиловский прорыв на Юго-Западном фронте.
1917 г. 25 февраля (10 марта) — Всеобщая забастовка в Петрограде. Начало вооруженного восстания.
1917 г. 27 февраля (12 марта) — Образование Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Свержение самодержавия.
1917 г. 2 марта — Образование Временного правительства под председательством князя Львова.
1917 г. 12 (25) марта — Возвращение товарища Сталина в Петроград из ссылки.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Цена 1 р. 25 к.